

МЭТЬЮ АРЛИДЖ

СЕРИЯ
О ДЕТЕКТИВЕ
ХЕЛЕН ГРЕЙС
КНИГА
ПЕРВАЯ

ВЫШЕЛ

Два человека. Одна пуля

МЕСЯЦ

Убить или умереть

ИЗ ТУМАНА...

Третьего не дано

Annotation

Детектив-инспектор Хелен Грейс расследует серию преступлений, в каждом из которых похищены два человека. Похититель ставит свои жертвы перед страшным выбором – убить другого или умереть самому. Как долго продолжится эта смертельная игра, зависит только от Хелен. Ведь этими похищениями маньяк шлет послание лично ей.

Мэтью Арлидж

Вышел месяц из тумана...

M. J. Arlidge
Eeny Meeny

© M. J. Arlidge, 2014

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2016

* * *

Глава 1

Сэм спит. Убить его сейчас ничего не стоит. Он лежит, отвернувшись от меня, – это было бы нетрудно. Проснется он, если я пошевелюсь? Попробует меня остановить? Или будет даже *рад* избавиться от кошмара?

Нельзя так думать. Надо постараться вспомнить что-то из настоящей жизни, что-то хорошее. Но дни в плену тянутся бесконечно, и надежда умирает первой.

Напрягаю ум, ищу в памяти, чтобы не думать о страшном, счастливые воспоминания. Но находить их все труднее и труднее.

Мы здесь всего десять дней (или одиннадцать?), а нормальная жизнь уже кажется далеким прошлым. Мы возвращались с концерта в Лондоне, когда это случилось. Дождь лил как из ведра, мимо проносились машины, но ни одна не замедлила хода. Мы промокли до нитки и уже собирались повернуть назад, когда нас подобрал минивэн. Внутри было тепло и сухо. Нам предложили кофе из термоса, и от одного только запаха мы взбодрились. На вкус кофе был еще лучше. Кто бы мог подумать, что это будет наш последний глоток свободы.

Когда я очнулась, голова гудела и раскалывалась от боли. На губах запеклась кровь. Я была уже не в теплом салоне автомобиля, а в каком-то холодном темном помещении. Уснула? Я вздрогнула от шороха за спиной. Это Сэм попытался встать на ноги.

Ограбили. Нас ограбили и выбросили из машины. Опираясь о стену, я двинулась вперед. Холодный кафель под руками. Я наткнулась на Сэма и секунду-другую держалась за него, вдыхая запах, который так люблю. Постепенно до меня доходил весь ужас случившегося.

Мы находились в заброшенном бассейне. Заброшенном давно и основательно выпотрошенном. Не осталось ничего: ни трамплина, ни табло, ни лесенок. Только глубокая яма с гладкими стенами и скользким полом, из которой невозможно выбраться.

Слышала эта мразь, как мы кричим, или нет? Наверное, слышала. Потому что стоило нам замолчать, как это случилось. Зазвонил мобильный, и мы на восхитительный краткий миг поверили, что к нам спешит помощь. А потом посмотрели на загоревшийся экран телефона, который валялся на полу бассейна, недалеко от нас. Сэм не шелохнулся, и к аппарату побежала я. Почему я? Почему всегда я?

– Привет, Эми.

Искаженный голос на том конце провода мало походил на человеческий. Надо умолять. Просить пощады. Объяснить, что они совершают ужасную ошибку. «Но они знают, как меня зовут», – поняла я, и весь мой запал угас. Я ничего не сказала, и голос с прежней бесстрастной беспощадностью продолжил:

– Хочешь жить?

– Кто вы? Что вам от нас...

– Хочешь жить?

Я молчу целую минуту. Не могу говорить. Язык будто отсох.

Наконец выдавливаю из себя:

– Да.

– На полу, рядом с телефоном, лежит пистолет. В нем одна пуля. Для Сэма или для тебя. Это цена свободы. Чтобы жить, надо убить. Ты ведь хочешь жить, Эми?

Не могу произнести ни слова. Меня сейчас вырвет.

– Хочешь, Эми?

И телефон отключается.

– Что они сказали? – спрашивает Сэм.

Сэм спит рядом. Я могла бы сделать это прямо сейчас.

Глава 2

Женщина коротко вскрикнула от боли. Поперек спины у нее набухали лиловые рубцы. Джейк снова поднял и с резким щелчком опустил плеть. Женщина выгнулась и выдохнула:

– Еще.

Она редко произносила что-нибудь помимо этого слова. Не из болтливых. Не такая, как другие его клиентки. Администраторши, бухгалтерши, секретарши... Сексуально неудовлетворенные, изголодавшиеся по живому общению, все они отчаянно хотели понравиться мужчине, за деньги потчующему их плеткой. Эта была другая. Закрытая книга. Ни разу не намекнула, как вышла на него. Что ее привело. Дала четкие и ясные инструкции – объяснила, что ей надо, – и велела приступать.

Начинал он всегда с фиксации запястий. Туго стягивал их двумя шипованными кожаными ремнями и крепил к стене. Потом надевал на лодыжки браслеты с цепями и приковывал ноги к полу. Одежду она аккуратно складывала на стул и, оставшись в нижнем белье, стояла в ожидании наказания.

Никаких ролевых игр. Никаких: «Пожалуйста, папочка, не надо, мне больно!» или «Я очень-очень плохая девочка». Она просто хотела, чтобы он причинил ей боль. В некотором смысле его это даже устраивало. Любая работа через какое-то время оборачивается рутинной, и ему для разнообразия было приятно иметь дело с клиенткой, не требовавшей от него подыгрывать ее печальным фантазиям. Тем не менее он огорчился ее стойкому нежеланию идти с ним на контакт. Важнейший элемент сеанса садо-мазо – это доверие. Саб должен быть уверен, что он в надежных руках, что доминатор понимает его потребности и обладает достаточным опытом, чтобы сеанс прошел удовлетворительно для обеих сторон. В противном случае игра перерастает в насилие, если не в злоупотребление положением, что в интересы Джейка совершенно не входило.

Конечно, он пытался растопить лед – здесь невинный вопросик, там ни к чему не обязывающая реплика. И со временем выведаль, что родом она не из Саутгемптона, одинокая, возраст под сорок. И никаких комплексов на этот счет. Еще он понял, что ей нужна только боль, а секс без надобности. Она не просила ни стимуляции, ни заигрываний. Все, что ей требовалось, – это наказание. Охаживая ее кнутом, Джейк не слишком усердствовал, но и не халтурил, работал на полную. Держалась она хорошо, да и тело имела под стать: крепкое, мускулистое, серьезно накачанное. Старые рубцы наводили на мысль, что клиентка не новичок в садо-мазо.

Но все его уловки и хитроумные вопросы ни к чему не привели. Только одно Джейк знал про нее наверняка. Как-то раз, когда она одевалась, из кармана куртки выскользнуло удостоверение с фотографией. Она тут же его подобрала – думала, он не заметит. Но он заметил. Джейк всегда считал, что неплохо разбирается в людях, но здесь его ждал сюрприз. Если бы не это удостоверение, он ни за что не догадался бы, что она – из полиции.

Глава 3

В нескольких футах от меня сидит на корточках Эми и без всякого стеснения писает на пол. Никто из нас уже не испытывает неловкости. Я смотрю, как тонкая струйка мочи, ударяясь о плитку, пачкает брызгами и без того уже несвежие трусы. Пару недель назад я бы отвернулся. Теперь – нет.

Моча ленивой змейкой ползет по чуть покатоному дну бассейна, чтобы влиться в собравшуюся в дальнем конце смрадную лужу. Я смотрю, как Эми мочится, не отрывая глаз, но скоро представление кончается. Эми возвращается в свой угол. Ни извинения, ни простого кивка. Мы превратились в животных – не обращаем друг на друга никакого внимания.

Это началось не сразу. Первое время мы метались, злились и клялись, что не сдадимся. Что выкарабкаемся вместе. Эми вставала мне на плечи и ломала ногти о плитку, пытаясь дотянуться до бортика. Пробовала подпрыгнуть вверх с моих плеч. Но глубина бассейна не меньше пятнадцати футов – выбраться невозможно.

Мы бы воспользовались телефоном, но он требовал ввести ПИН-код и после трех неудачных комбинаций заблокировался. Мы орали и звали на помощь, пока не охрипли, но слышали в ответ только издевательски насмешливое эхо. Нам стало казаться, будто мы на другой планете и на много миль вокруг нас нет ни души. Скоро Рождество... Наверное, нас ищут... Но поверить в это здесь, в окружении невообразимой гулкой тишины, было невозможно.

Вариант побега скоро отпал, и мы сосредоточились на выживании. Грызли ногти до тех пор, пока пальцы не начинали кровоточить, и жадно сосали кровь. На рассвете слизывали с плиток капли конденсата. Желудки требовали еды. Мы всерьез подумывали, не съесть ли одежду, но отказались от этой идеи. По ночам здесь холодно, и голышом мы, наверное, замерзли бы насмерть. Ну и еще мы согреваем друг друга.

Только вот... То ли мне так кажется, то ли наши объятия на самом деле стали уже не такими жаркими? Не такими крепкими? Мы цепляемся друг за друга и помогаем друг другу, лишь бы не остаться в этом страшном месте в одиночестве. Коротаем время, играем в какие-то игры, фантазируем, что будем делать, когда помощь все же придет: что будем есть, что

скажем дома, какие подарки получим на Рождество. Вот только игра занимает нас все меньше. Мы все отчетливее осознаем, что нас привели сюда ради какой-то цели, и наши надежды на хеппи-энд тают с каждым часом.

– Эми?

Молчание.

– Эми, пожалуйста, скажи что-нибудь.

Она не смотрит на меня. Не разговаривает. Неужели я потерял ее навсегда? Пытаюсь догадаться, о чем она сейчас думает, но у меня ничего не получается.

Может быть, ей просто нечего мне сказать. Мы все перепробовали, изучили каждый дюйм нашей тюрьмы. Не делали только одного – не прикасались к пистолету. Он так и лежит на прежнем месте, как будто дразня нас.

Я поднимаю голову. Эми смотрит на пистолет. Поймав мой взгляд, она опускает глаза. Возьмет она пистолет или нет? Пару недель назад я сказал бы: нет, ни за что. А сейчас? Доверие – штука хрупкая. Заслужить его трудно, а потерять легко. Сейчас я больше ни в чем не уверен.

Кроме того, что один из нас умрет.

Глава 4

Хелен Грейс вышла в вечернюю прохладу и с удовольствием сделала глубокий вдох – какое счастье. Она замедлила шаг, смакуя мгновения блаженства. Мимо плотными потоками текла толпа покупателей.

Хелен направлялась на саутгемптонский рождественский рынок. Протянувшийся вдоль южной стены торгового центра Уэст-Ки, рынок каждый год привлекал желающих приобрести оригинальные ручной работы изделия, каких не сыщешь ни в одном вишлисте «Амазона».

Хелен терпеть не могла Рождество, но подарки Анне и Мари обязательно покупала. И раз уж она шла на уступку праздничному обычаю, то отработывала номер по полной программе. Выбирала украшения, ароматизированные свечи и всякие безделушки и не скупилась на лакомства: финики, шоколад, до неприличия дорогой рождественский пудинг и обязательно – коробку мятно-шоколадных конфет, которые обожала Мари.

Вырулив на своем «кавасаки» с парковки Уэст-Ки, Хелен быстро проехала через центр и свернула на юго-восток, к Уэстону. Из мира веселья и достатка – в мир лишений и отчаяния, туда, где, загораживая горизонт, возвышались пять монолитных многоквартирных башен. Годами они приветствовали приближающиеся к Саутгемптону с моря суда и – основательные, футуристические, внушающие оптимизм – в прошлом были вполне достойны подобной чести. В прошлом, но не сейчас.

В наибольшей степени упадок затронул Мельбурн-тауэр. Четыре года назад на шестом этаже взорвалась подпольная наркофабрика. Зданию был нанесен огромный ущерб – из него как будто вырвали сердце. Городской совет обещал сделать ремонт, но начавшийся экономический спад поставил на этих планах крест. Дом по-прежнему значился в очереди на реконструкцию, но в то, что она скоро начнется, никто уже не верил. Большинство жильцов из него выехали, а дом так и стоял – израненный, брошенный, всеми преданный. Теперь его облюбовали наркоманы и сквоттеры – те, кому некуда больше идти. От него так и

веяло мерзостью запустения.

Хелен оставила мотоцикл подальше от башен и пошла пешком. Вообще-то женщины предпочитали не прогуливаться здесь по вечерам, тем более в одиночку, но Хелен за свою безопасность не боялась. Местные знали, кто она такая, и, едва завидев ее фигуру, торопливо уступали дорогу, что ее вполне устраивало. Сегодня, если не считать своры собак, крутившихся возле обгоревшей машины, ей не встретилось ни души. Старательно переступая через разбросанные шприцы и презервативы, Хелен вошла в Мельбурн-тауэр.

На четвертом этаже она остановилась перед дверью с номером 408. Некогда милая и уютная, теперь эта квартира напоминала Форт-Нокс. Дверь с многочисленными врезными замками, внушительного вида решетка. Необходимость такой защиты объясняли злобные надписи на стенах – *шиза, дебилка, недоделанная*. В квартире жили Мари и Анна Стори. Четырнадцатилетняя Анна была инвалидом. Она не разговаривала, не могла самостоятельно есть и ходить в туалет и полностью зависела от матери, делавшей для дочери все возможное. Они существовали за счет благотворительности, продукты покупали в дешевом супермаркете «Лидл», сэкономили на отоплении. И все бы ничего – так распорядилась судьба, и Мари не озлобилась и не ожесточилась, – если бы не местные подонки. Пусть они росли в неблагополучных семьях и не имели шансов найти себе достойное занятие, разве это могло служить им оправданием? Мерзкое хулиганье. Они не просто преследовали и запугивали несчастную женщину с больной дочерью – они находили в этом удовольствие.

Все это Хелен прекрасно знала, потому что познакомилась с Анной и Мари при определенных обстоятельствах. Один из здешних подонков – злобный, с угреватой физиономией недоумок по имени Стивен Грин – однажды попытался поджечь квартиру Стори. Пожарные подоспели вовремя, так что от огня пострадали только прихожая и гостиная, но Мари и Анна успели перепугаться до ужаса. Хелен воочию видела их страх, когда проводила опрос потерпевших. В полиции поджог расценили как покушение на убийство, и следствие искало виновных. Как ни старалась Хелен, дело из-за отсутствия свидетелей так и не дошло до суда. Она уговаривала Мари переехать, но та заупрямилась. Они давно жили в этой квартире, оборудованной с учетом ограниченных возможностей Анны, – так с какой же стати им переезжать? Чтобы укрепить входную дверь, Мари продала оставшиеся у нее ценности. А через четыре года взорвалась наркофабрика. До того в подъезде исправно работал лифт и квартира 408 представляла собой вполне приемлемое жилье. Теперь же она превратилась в тюрьму.

Работники социальных служб, обязанные регулярно навещать семью Стори, боялись их жилища как чумы, а когда все же заглядывали, старались не задерживаться. Зато Хелен, которую вечером дома ничто не держало, бывала у них гораздо чаще. Однажды она буквально наткнулась на Стивена Грина. Юнец вернулся с целой компанией, чтобы довести свою гнусную затею до конца. Он явно был под кайфом. Хелен застучала его за тем, как он пытался с помощью самодельного фитиля поджечь канистру бензина. Она ударила его дубинкой сначала по локтю, а потом по спине, и незадачливый поджигатель рухнул на пол. Застигнутые врасплох сообщники Грина побросали свои «зажигательные бомбы» и кинулись наутек. Удалось это не всем. Хелен прошла хорошую подготовку и умела сбить с ног всякого, кто надеется скрыться с места происшествия. Она не дала совершиться преступлению, а когда некоторое время спустя Стивен Грин и трое его дружков надолго сели за решетку, испытала и моральное удовлетворение. Иногда работа действительно приносит радость.

Хелен невольно поежилась. Замусоренная лестница, непристойные граффити,

взвешивая грязь и разбитые жизни – все это слишком явно напоминало ей собственное детство. Она сделала над собой усилие, стараясь сдержать нахлынувшие горькие чувства и твердя себе, что пришла сюда ради Мари и Анны и не должна поддаваться мрачным мыслям.

Хелен постучала условным стуком – три раза. Послышался скрежет отпираемых замков, и дверь открылась.

– Санта-Клаус! – вместо приветствия произнесла она.

– Вали покуда цел, – последовал предсказуемый ответ.

Хелен улыбнулась, и ее хмурое настроение мгновенно рассеялось – «теплая встреча» со стороны хозяйки всегда действовала на нее ободряюще. Мари тем временем отперла замки на решетке. Прямо с порога Хелен вручила Мари подарки и получила свои. Она чувствовала себя здесь как дома. Пусть ненадолго, но квартира 408 служила ей убежищем от унылого жестокого мира.

Глава 5

Лил дождь, смывая слезы с ее лица, но она его не чувствовала. Она бежала наугад, не разбирая дороги, пробираясь сквозь заросли кустарника. Не останавливаться. Прочь. Прочь. Прочь. Подальше.

Колючки царапали ей лицо, камни больно ранили ступни. Она продолжала бежать, отчаянно озираясь по сторонам, но вокруг были только деревья. В какой-то момент ей в голову пришла жуткая мысль: а вдруг это не Англия? Она пробовала звать на помощь, но пересохшее горло издавало не крики, а слабые стоны.

В Сэмпсоне в парке «Зимняя сказка» перед пещерой Санта-Клауса выстроилась небольшая очередь. Атракцион не представлял собой ничего особенного – несколько палаток, установленных на грязноватом лужке, – но ребятишкам здесь нравилось. Фредди Уильямс, отец четверых детей, только собрался насладиться куском рождественского пирога, когда вдруг увидел ее. За пеленой дождя она походила на призрак. Рука Фредди застыла на полпути ко рту – незнакомка, прихрамывая, медленно направлялась прямо к нему. При ближайшем рассмотрении она оказалась не призраком, а человеком, только грязным, исцарапанным до крови и бледным как смерть. Фредди хотел отшатнуться – сумасшедшая какая-то! – но не смог сделать ни шагу, скованный свирепой силой ее взгляда. Последние несколько ярдов незнакомка преодолела быстрее, чем можно было ожидать, и бросилась на него. Пирог вылетел из пальцев Фредди и, кувыркнувшись в воздухе, со смачным звуком шлепнулся в лужу.

Позже, в участке, уже закутанная в одеяло, она все равно вела себя как сумасшедшая. Не говорила ни кто она такая, ни где живет, ни откуда пришла. Похоже, даже не знала, какое сегодня число. Вытянуть из нее удалось немного: что зовут ее Эми и что утром она убила своего парня.

Хелен затормозила возле Центрального полицейского участка Саутгемптона. Он располагался в футуристических очертаний здании из светлого известняка с огромными окнами, из которых открывались фантастические виды на город и порт. Построенное пару лет назад, оно с любой точки зрения представляло собой нечто выдающееся. Сверхсовременные камеры предварительного заключения, департамент Королевской

государственной прокуратуры по уголовным делам, лаборатория «Умная вода»^[1] – в общем, все, что может пригодиться в наши дни полицейскому. Хелен припарковала мотоцикл и вошла в здание.

– Спим на работе, а, Джерри?

Дежурный сержант вздрогнул, встрепенулся и постарался придать своему лицу выражение деловитости. При появлении Хелен дежурные всегда подтягивались и распрямляли спину. Не только в знак уважения к ее званию детектива-инспектора, но и потому, что она сумела себя поставить. Шести футов ростом, с ног до головы в коже – на зависть любому байкеру, – Хелен прямо-таки излучала неукротимую энергию и честолюбие. Она не опаздывала, не мучилась от похмелья, не болела. Она жила работой, отдаваясь ей с такой страстью, о какой остальные могли только мечтать.

Хелен направилась в отдел особо тяжких преступлений. Несмотря на решительную модернизацию центрального полицейского участка, порядка в городе заметно не прибавилось. Просматривая список дел в работе, Хелен в очередной раз убедилась, что сюрпризов ждать не приходится. Семейная ссора, закончившаяся убийством, – две загубленные жизни и ребенок-сирота. Покушение на убийство болельщика «святых»^[2], предпринятое приезжими фанатами «Лидса». И наконец, жестокое убийство восьмидесятидвухлетнего старика. Убегая с места преступления, нападавший выронил отнятый у жертвы кошелек, оставив на нем отчетливый отпечаток пальца, по которому его и опознали. Полиция Саутгемптона уже имела дело с этим негодяем, в преддверии Рождества ограбившим ничего не подозревавшую семью. Хелен намеревалась сегодня же утром представить подробный рапорт в департамент прокуратуры по уголовным делам. Она раскрыла папку с делом, твердо настроенная добиться осуждения мерзавца.

– Ты не засиделась, Хелен? Есть работа.

К ней подошел детектив-сержант Марк Фуллер. Симпатичный парень и способный полицейский, он уже пять лет был ее напарником. Убийства, похищения детей, изнасилования, секс-трафик – вместе с Марком они расследовали самые запутанные дела, и Хелен привыкла полагаться на его смелость, интуицию и преданность. Но некоторое время назад он расстался с женой, и развод дался ему так тяжело, что он стал совершать одну ошибку за другой. Хелен с огорчением заметила, что от него стало частенько пахнуть спиртным.

– Молодая девушка. Говорит, что убила своего парня.

Марк достал из папки фотографию и протянул Хелен. В правом верхнем углу отчетливо просматривался штамп «Разыскивается».

– Имя жертвы – Сэм Фишер.

Хелен посмотрела на снимок. Молодой парень. Приятное лицо. Правильные черты. Выражение – доверчивое, пожалуй, немного наивное. Марк дождался, когда она внимательно изучит фотографию, и протянул ей вторую.

– Подозреваемая. Эми Андерсон.

Хелен взяла карточку и не смогла сдержать удивленного возгласа. Какая красавица. На вид – лет двадцати с небольшим. Длинные волнистые волосы, пронзительной синевы глаза, нежно очерченные губы. Воплощение юности и невинности. Хелен надела куртку.

– Поехали.

– Поведешь сама или...

– Сама.

К парковке они шли молча. По просьбе Хелен к ним присоединилась Шарлин Брукс, больше известная как Чарли. В отделе она отвечала за розыск пропавших без вести. Детективом добросовестная и энергичная Чарли была хорошим, но решительно не желала соблюдать полицейский дресс-код. Вот и сегодня она явилась на работу в облегающих кожаных брюках. Хелен так и подмывало строго отчитать подчиненную за неподобающий наряд, но она понимала, что не имеет на это никакого права.

В машине воняло перегаром. Хелен покосилась на сержанта и опустила оконное стекло.

– Итак, что мы имеем?

Чарли уже открыла папку с делом.

– Эми Андерсон. Пропала чуть более двух недель назад. Последний раз ее видели в Лондоне, на концерте. Вечером второго декабря отправила матери сообщение, что добирается домой попуткой вместе с Сэмом и будет около полуночи. С тех пор ни от нее, ни от него – ни слуху ни духу. Мать позвонила в полицию.

– Что дальше?

– Сегодня утром она объявилась в Сэмпсоне. Заявила, что убила своего бойфренда. Больше не говорит ни слова. Сейчас ни с кем не разговаривает, молчит.

– Где она была все это время?

Марк переглянулся с Чарли и ответил:

– Мы знаем не больше твоего.

Оставив машину на стоянке «Зимней сказки», все трое направились к вагончику, в котором размещалась контора парка. На пороге ветхого строеньица Хелен на миг замерла, пораженная открывшейся картиной. Под грязным одеялом лежала изможденная молодая женщина и смотрела на нее безумным взглядом.

– Привет, Эми. Я – детектив-инспектор Хелен Грейс. Можешь называть меня просто Хелен. Я присяду, ладно?

Ответа не последовало. Хелен осторожно опустилась на стоящий рядом стул.

– Я бы хотела поговорить с тобой о Сэме. Ты не против?

Девушка подняла голову. Обострившиеся черты исхудавшего лица исказила гримаса ужаса. Хелен вспомнила фотографию девушки и попыталась провести мысленное сравнение. Если бы не ярко-синие глаза и не характерный шрам на подбородке, вряд ли она ее узнала бы. Некогда пышные волосы потускнели и свисали грязными космами. Изодранные в кровь руки и ноги – как у спятившего самоистязателя. А запах... В тесном помещении не просто дурно пахло. Здесь воняло.

– Мы должны найти Сэма. Можешь сказать, где он?

Эми закрыла глаза. Из-под ресниц выкатилась и сползла по щеке слезинка.

– Где он, Эми?

Долгое молчание.

– В лесу, – прошептала она наконец.

Эми наотрез отказалась покидать домик, и детективам пришлось вызывать розыскную собаку. Оставив Чарли приглядеть за девушкой, Хелен с Марком отправились на поиски тела. Ретривер по кличке Симпсон потыкался носом в заляпанные кровью лохмотья, когда-то служившие Эми одеждой, и рванул в сторону леса.

Следы они нашли быстро. Девушка бежала наугад, продираясь сквозь кусты, на которых и сейчас кое-где виднелись клочки одежды. Симпсон бодро продвигался вперед. Хелен легко

поспевала за ним. Марк, не желая отстать от женщины, старался держать тот же темп, что требовало от него немалого напряжения сил – сказывалась вчерашняя пьянка.

Через некоторое время впереди показалось здание. Это был давно намеченный к сносу муниципальный бассейн, печальный пережиток ушедших лучших времен. Симпсон поскребся в запертую дверь и побежал вокруг здания. Под разбитым окном пес остановился. На разошедшей раме алели свежие пятна крови. Вот откуда выбралась Эми.

Чтобы проникнуть внутрь, им пришлось потрудиться. Хоть здание и выглядело заброшенным, все входы в него были закрыты. От кого? Ни одной живой души поблизости не было. В конце концов они взломали замок, натянули бахилы и заскользили по кафельному полу.

Вскоре они его нашли. Он лежал на дне бассейна глубиной пятнадцать футов. Некоторое время ушло на поиск лестницы, после чего Хелен спустилась в бассейн и осмотрела тело человека, которого, если верить Эми, звали Сэмом. При жизни он учился на юриста и мечтал когда-нибудь поступить на работу в адвокатскую фирму. После смерти он ничем не отличался от последнего уличного побродяжки. На одежде – засохшие пятна мочи и экскрементов; грязные обкусанные ногти. На изможденном лице – печать боли и ужаса. Живым он был вполне симпатичным парнем. Мертвый он внушал отвращение.

Глава 6

Когда они перестанут ее мучить?

Эми надеялась, что хотя бы в больнице ее оставят в покое. Не будут дергать, дадут побыть в одиночестве и зализать раны. Но они как будто задумали ее извести. Ни еды, ни даже воды, несмотря на мольбы, она так и не получила. Ей сказали, что язык у нее распух, желудок сжался, а кишки при попадании пищи порвутся. Поэтому ей поставили капельницу. Может, они все делали правильно, только она *хотела* совсем другого. Попробовали бы они поголодать больше двух недель. Что они вообще понимают?

Еще ей поставили капельницу с морфием, и это приносило облегчение. Правда, они придирчиво следили, чтобы она с ним не переусердствовала. Со второй капельницей она управлялась левой рукой – когда боль становилась нестерпимой, нажимала на кнопку. Правую руку ей пристегнули к кровати. Медсестры не скрывали своего удовольствия. Она слышала их громкие перешептывания. Что-что она натворила? Ребенка убила? Мужа прикончила? Как интересно.

А потом они – о боже! – пустили к ней мать. Эми рассвирепела. Она так орала, что совершенно сбитая с толку мамочка по требованию врача быстренько ретировалась в коридор. О чем они только, на хрен, думали? Она не могла видеть мать. Только не сейчас. Не так.

Эми хотела одного: чтобы ее оставили в покое. Она лежала, тупо уставившись в одну точку, и часами рассматривала то нитяные переплетения наволочки, то гипнотически мерцающую нить накаливания в лампе ночника. Только так ей удавалось выбросить из головы назойливые мысли о случившемся. А потом перед ее внутренним взором вдруг всплывало лицо Сэма... Тогда она нажимала на кнопку капельницы с морфием и уносилась в иные, более счастливые места.

В душе Эми понимала, что долго прятаться от жизни не получится. Ее со всех сторон

окружали демоны. Они тянули ее назад, к смерти, от которой она убежала. Снаружи слонялись копы – явно в ожидании того, когда им разрешат ее допросить. Неужели до них не дошло, что она не станет отвечать на их вопросы? Разве мало ей выпало страданий?

– Скажите им, что ко мне нельзя.

Медсестра, просматривавшая лист назначений, повернула к ней голову.

– Скажите, что у меня температура, – продолжала Эми, – что я сплю, что...

– Я не вправе им помешать, милая, – спокойно ответила медсестра. – И потом, лучше ведь покончить со всем этим разом, а?

Значит, ее мучениям не будет конца. Она убила человека, которого любила, и от этого уже никуда не денешься.

Глава 7

– Эми, расскажи, как ты выбралась из бассейна.

– По лестнице.

– Я не видела там никакой лестницы.

Эми нахмурилась, подтянула повыше больничное одеяло и отвернулась к стене. Хелен с интересом наблюдала за девушкой. Если она лжет, то лжет весьма убедительно.

Хелен покосилась на Марка и продолжила:

– Что это была за лестница?

– Веревочная. Ее сбросили сразу после того, как я...

У Эми на глазах выступили слезы. Она опустила голову.

Ее кисти были красными и распухшими. В самом деле карабкалась по веревочной лестнице? Хелен мысленно одернула себя – что за чушь! Рассказанная Эми история не стоит выеденного яйца. По ее словам, их с Сэмом подобрала на шоссе машина. В салоне их усыпили и перевезли в заброшенный бассейн, мучили голодом и жаждой, а потом заставили ее убить Сэма. Кому и зачем это могло понадобиться? Эми и Сэм производили впечатление обычной молодой пары. И все-таки ключ к преступлению определенно следовало искать в их отношениях.

– Что связывало вас с Сэмом?

Эми всхлипнула.

– Может, пора сделать перерыв, инспектор? – предложил адвокат, на присутствии которого настояла мать Эми.

– Мы еще не закончили, – огрызнулась Хелен.

– Но вы же видите, что она измучена. Разве нельзя...

– Убит человек. Сэм Фишер. Убит выстрелом в спину. С близкого расстояния. И убила его ваша клиентка.

– Моя клиентка не отрицает, что спустила ку...

– Но не говорит почему.

– Я уже сказала вам почему, – бросила Эми.

– Да, ты сочинила отличную историю. *Только она никак не вяжется со здравым смыслом.*

Хелен замолчала, но эстафету допроса тут же подхватил Марк.

– Вас никто не видел. Никто не видел, как вы садились в машину: ни дальнотойщики,

ни дорожная полиция, ни другие автостопщики. Может, хватит уже нам вгирать? Может, пора рассказать, почему ты убила своего приятеля? Он что, тебя ударил? Угрожал тебе? Зачем он увел тебя в это жуткое место?

Эми молчала и не поднимала глаз. Как будто не слышала Марка. В разговор снова вступила Хелен, сменив тон на более мягкий:

– Послушай, Эми. Не думай, что ты первая. Запала на симпатичного парня, а он оказался садистом и насильником. Здесь нет твоей вины, никто не станет тебя осуждать. Если ты расскажешь, как все случилось, я обещаю, что помогу тебе. Он напал на тебя? В этом участвовал кто-то еще? Почему он отвел тебя туда?

Эми не отвечала. В голосе Хелен прорезались нотки нетерпения:

– Два часа назад мне пришлось сообщить матери Сэма, что ее сын убит. Не только она, но и его младшие братья и сестры хотят знать, кто это сделал. И кандидат в данный момент только один – ты. Так что ради них и ради себя самой перестань пороть ахинею и расскажи нам правду. Почему ты выстрелила в него? Почему, Эми?

После долгого молчания Эми вскинула голову. Залитые слезами глаза полыхнули сердитым огнем.

– Потому что *она* меня заставила.

Глава 8

– Что думаете, босс?

Впервые в жизни она не нашлась с ответом. Хелен Грейс всегда знала: да или нет, виновен или не виновен. Но этот случай поставил ее в тупик. Весь опыт говорил ей: Эми лжет. История с похищением сама по себе звучала безумно, а уж то, что в роли похитителя выступала женщина, да еще действовавшая в одиночку, не лезло ни в какие ворота. Женщины, случается, убивают мужей, или детей, или тех, кто находится у них на попечении. Но они не похищают незнакомых людей. И не разыгрывают театрализованные представления, наподобие описанного Эми, тем более при численном превосходстве жертв. И каким образом, интересно узнать, похитительнице удалось вытащить из машины двух взрослых человек и переместить в бассейн? Хелен так и подмывало предъявить Эми официальное обвинение в убийстве. Может, тогда она наконец выложит правду.

С другой стороны, зачем ей было сочинять столь неправдоподобную историю? Эми – умная уравновешенная девушка, без каких бы то ни было психологических отклонений. Ее показания отличаются четкостью, ясностью и последовательностью. Она дала предельно точное описание «похитительницы» – немытые светлые волосы, солнцезащитные очки, коротко стриженные грязные ногти – и ни разу от него не отступила. Она запомнила даже такую деталь, как манера женщины не переключать вовремя передачу, насилуя машину. Сэма она любила, любила по-настоящему, и была совершенно сражена его смертью. Про них говорили, что они созданы друг для друга. Познакомились они в Бристольском университете, затем решили вместе поступать в магистратуру в Университет Уорвика. Денег у обоих было немного, но в каникулы они успели поездить по стране, как правило, вдвоем, – шумные компании их мало привлекали.

Криминалистическая экспертиза обнаружила на оружии отпечатки пальцев Эми, так что сомнений не осталось – стреляла она. Вместе с тем история пленения в бассейне тоже

нашла подтверждение. Физическое состояние девушки, состояние волос и ногтей убитого парня и анализ обнаруженных в бассейне физиологических выделений давали основание утверждать, что Эми и Сэм действительно провели там по меньшей мере две недели. Что случилось дальше? Они отчаялись и бросили жребий? Заключили сделку?

– Почему погиб он, а не ты?

Эми отвернулась, но Хелен не собиралась сдаваться и настойчиво повторила вопрос. В конце концов девушка не выдержала.

– Потому что он меня попросил, – едва слышно произнесла она.

Значит, это был акт любви. Акт самопожертвования. С таким грузом на совести жить нелегко... Если, конечно, Эми рассказала правду. Именно это и не давало Хелен покоя – она слишком явственно видела, что случившееся буквально раздавило Эми. Не просто ранило, а именно раздавило. Бремя вины не спутаешь ни с каким другим. Хелен это чувство было слишком хорошо знакомо. Она поймала себя на том, что вопреки здравому смыслу сочувствует девушке. Но ведь это невозможно! Зачем кому-то понадобилось похищать молодых людей? Чего преступники – или *преступница* – хотели достичь? Какую цель преследовали? Если верить Эми, за ними никто не наблюдал. В чем же тогда смысл? Бред какой-то. Тем не менее, когда Марк со свойственной ему прямоотой задал свой вопрос, ее ответ прозвучал неожиданно для нее самой:

– Думаю, она говорит правду.

Глава 9

Бен Холланд терпеть не мог еженедельные поездки в Борнмут. Абсолютно бессмысленное занятие. Но на фирме считали необходимым поддерживать живое общение между разными отделениями, поэтому раз в неделю Бену и Питеру (Портсмут) приходилось делить сэндвичи и кофе с Малкольмом и Элеонор (Борнмут) и Элли и Сарой (Лондон). Обсудив проблемные вопросы морского права, подробности очередной судебной тяжбы между банками и международное законодательство в области наследования, они делились друг с другом соображениями по поводу клиентов. Иногда в результате этих встреч Бен получал новую информацию, иногда узнавал что-то действительно интересное, но в целом, принимая в расчет дорогу из Портсмута и обратно, считал свои поездки напрасной тратой времени.

В этот раз все было даже хуже, чем обычно. По устоявшейся привычке они с Питером ездили на машине Бена, что позволяло старшему коллеге выпить за ланчем. Питера ценили на фирме за сообразительность и умение добиваться результатов. При этом все знали, что он хамоват и занудлив. Кроме того, от него всегда плохо пахло. Во время совещаний коллеги старались не садиться рядом с Питером, а Бену предстояло провести с ним в одной машине целых два часа. Вернее, предстояло бы, если бы у них не кончился бензин.

Негромко чертыхаясь, Бен достал телефон и тут же изумленно вытаращил глаза.

– Сеть не ловит.

– Что? – подал голос Питер.

– Сеть, говорю, не ловит. Проверь свой.

Питер достал свой телефон.

– То же самое.

Некоторое время оба молчали.

Бен изо всех сил сдерживал злость. Чем он провинился, чтобы на ночь глядя застрять посреди Нью-Фореста в одной машине с Питером? На выезде из Борнмута он залил полный бак на заправке «Эссо» – у них самые низкие цены, – и вот, часа не прошло, а бак опустел. Когда на панели замигало предупреждение, Бен глазам своим не поверил и решил, что уж до Саутгемптона топлива в любом случае хватит. Но буквально через несколько секунд запищал предупредительный сигнал, а следом заглох двигатель. Иногда жизнь не довольствуется всего одним пинком в зад. И что теперь, спрашивается? Тащиться пешком до ближайшей заправки? Ночевать в машине?

– Вот тебе и платиновая карта «Все включено»! – язвительно вставил Питер. – Сервис называется!

Бен посмотрел на пустую дорогу, что бежала через лес. Питер пока воздерживался от комментариев, хотя идея срезать путь через Нью-Форест принадлежала Бену. Он делал это не в первый раз: вместо того чтобы огибать весь Саутгемптон по шоссе M27, предпочитал ехать по лесной дороге, выведившей напрямик к Калмору. Но сегодня привычный трюк вышел им боком. Бен догадывался, что этот факт не останется без внимания, но будет упомянут не раньше, чем закончатся их мытарства. Питер не упустит случая оттоптаться на его ошибке; придет время, и он все ему припомнит.

– Сам разумеешь или мне сходить? – спросил Питер. Риторический вопрос. Питер старше, к тому же у него «болят колени». Так что идти придется Бену. Взглянув на карту, он обнаружил, что неподалеку – примерно в паре миль – стоит несколько загородных коттеджей. Пожалуй, если поторопиться, можно успеть до темноты. Он поднял воротник, кивнул коллеге и вышел на дорогу.

– «Мы встретимся снова...» – пропел Питер.

Вот гаденыш, подумал Бен.

И вдруг в надвигающихся сумерках улыбкой фортуны вспыхнули два огонька. Бен прищурился. Точно, фары. Впервые за день он позволил себе расслабиться. Есть Бог на свете. Он замахал руками, но «универсал» уже тормозил.

Слава небесам, подумал Бен. Вот и спасение.

Глава 10

Дайана Андерсон не видела дочь больше трех недель. Она не могла бы сказать, что видит ее сейчас, хотя прижимала к груди так, словно хотела задушить в объятиях. В больнице Эми привели в порядок – дали принять душ и вымыть голову, – но она все равно была непохожа сама на себя.

Чарли, симпатичная женщина-полицейский, проводила их до дома. Якобы ради Эми, чтобы помочь той освоиться и почувствовать себя в безопасности, только Дайана в это не верила. Чарли приставили шпионить за ними. Вынюхивать и доносить. Никто не собирался оставлять Эми в покое, и присутствие за дверью двух копов в форме лишь подтверждало этот вывод. Зачем они здесь? Защищать Эми? Или не дать ей убежать? Хорошо хоть журналистов к ним не пустили. Корреспондентка местной газетенки не придумала ничего лучше, как прокрасться к почтовому ящику и нагло прокричать в щель вопрос: почему Эми убила своего парня. Совсем молодая девушка, а туда же... Что же такое с людьми творится?

«Эми застрелила Сэма». Так выразилась та строгая инспекторша из полиции, детектив Грейс. Но ведь это чепуха. Эми не могла никого застрелить, тем более Сэма. Она и оружия-то в руках никогда не держала. Слава богу, не в Америке живем.

Дайана повернулась к Ричарду, ожидая, что он объяснит все это полицейским, но на лице мужа застыло выражение изумленной растерянности. Вот так всегда, сердито подумала она. Когда он нужен, от него никакого толку. Со всеми превратностями судьбы приходится справляться ей одной. Эми *любила* Сэма. В минуты досуга Дайана частенько представляла себе, что будет, если – точнее, когда – они поженятся. Она подозревала, что Эми как современная девушка согласится на сожительство с Сэмом без заключения брака. Но дочь как-то призналась ей, что мечтает выйти за Сэма замуж. Правда, она – такой уж характер – и здесь собиралась все сделать по-своему. Во-первых, никакого белого платья. Во-вторых, под венец ее поведет не отец, а мать. Да, но как это воспримет Ричард? И что подумают люди?

Дайана вздрогнула, поймав себя на том, что размышляла о свадьбе, которой уже не будет.

Но ведь это абсурд. В характере Сэма не было ни следа жестокости. О какой самообороне могла идти речь? Инспектор Грейс, говоря о случившемся, чуть ли не сквозь зубы процедила: «В свое время Эми сама вам все расскажет». Но Эми не проронила ни словечка. Как будто онемела. Дайана пыталась подкатиться к дочери и так и этак: приготовила ей молочный коктейль, открыла коробку конфет с помадкой (Эми любила их с детства), перенесла в спальню, которую теперь делила с дочкой, ее старые игрушки и прочие безделушки. Ничего не помогало. Они втроем сидели за чаем и хранили чопорное молчание. Чарли устроилась на краешке софы и старательно следила, чтобы не расплескать из чашки чай, Дайана без конца подкладывала на тарелки кексы, к которым никто не прикасался, а Эми мертвым взглядом смотрела в никуда – бледная тень той живой и веселой девушки, какой она когда-то была.

Глава 11

Это была самая настоящая засада.

Не успела Хелен выйти из машины, как поджидавшая ее женщина налетела на нее.

– Уделите мне пару минут, инспектор?

Настроение у Хелен мгновенно испортилось. Вот и началось.

– Рада вас видеть, Эмилия, но, как вы понимаете, я очень занята.

Хелен отвернулась и двинулась дальше, но Эмилия схватила ее за руку. Хелен сверкнула взглядом – вы что, серьезно? – и журналистка, поняв намек, медленно разжала пальцы и, ничуть не смутившись, широко улыбнулась. Эмилия Гаранита являла собой поразительное зрелище – юная, стройная, гибкая и... изуродованная. До восемнадцати лет Эмилия успела разбить не одно сердце, а потом стала жертвой жестокого нападения. Девушке плеснули в лицо кислотой. В профиль, если смотреть слева, она осталась прежней красоткой. Но вся правая половина лица превратилась у нее в уродливую маску, с которой слепо взирал мертвый искусственный глаз. С тех пор к ней приклеилась кличка Красавица-и-Чудовище. Эмилия вела в газете «Саутгемптон Ивнинг Ньюс» рубрику криминальных новостей.

– Дело Эми Андерсон. Мы знаем, что она его убила, но не знаем почему. Что такого он ей сделал?

Хелен постаралась скрыть презрение. Она не сомневалась, что это Эмилия кричала в почтовый ящик Андерсонов, но настраивать против себя прессу на начальной стадии расследования было бы неразумно.

– Преступление на сексуальной почве? Он ее избил? Вы подозреваете кого-нибудь еще? – не отставала Эмилия.

– Вы же знаете порядок. Как только у нас появится для вас информация, офицер по связям с прессой с вами свяжется. А теперь извините, но...

– Мне просто любопытно, почему вы ее отпустили. И даже не под залог. Обычно вы их там утюжите, разве не так?

– Мы никого не «утюжим». И вам прекрасно известно, что я всегда действую согласно правилам. В данном случае общение с прессой будет проходить по обычным каналам, договорились?

Мило улыбнувшись, Хелен пошла дальше. Она знала, что выиграла всего лишь первую схватку в обещавшей стать затяжной кампании. Криминал был у Эмилии в крови. Старшая из шести детей, она прославилась после того, как ее отец – наркодилер – получил шестнадцать лет тюрьмы за использование собственных сыновей и дочерей в качестве наркокурьеров. Детишек регулярно отправляли на каникулы на Карибы, а перед возвращением в Саутгемптон заставляли глотать набитые кокаином презервативы. Потом португальский папаша Эмилии отправился за решетку, его хозяева рассчитывали, что девушка продолжит на них работать, – отец остался немало им должен. Эмилия отказалась, и ее наказали – две сломанные лодыжки и пол-литра серной кислоты в лицо. Выйдя из больницы, Эмилия описала свои злоключения в книге. Этот опыт и подтолкнул ее заняться журналистикой. Она немного прихрамывала при ходьбе, зато ничего не боялась и в любом расследовании смело шла прямо к цели.

– Не пропадайте! – крикнула Эмилия в спину Хелен, остановившейся перед дверями полицейского морга.

Хелен понимала: теперь жизнь станет еще сложнее. Но раздумывать об этом было некогда.

Ее ожидало свидание с трупом.

Глава 12

Не человек, а призрак. От беззаботного симпатичного парня, улыбавшегося со страницы в «Фейсбуке», не осталось ничего. Лежащее на столе для вскрытия истощенное бескровное тело казалось уродливой карикатурой на счастливого и полного надежд молодого человека, каким еще недавно был Сэм. Печальное зрелище.

Хелен отвела взгляд от его лица и посмотрела на судмедэксперта Джима Гривса. Несмотря на тридцатилетний опыт работы, Джим к каждому вскрытию приступал с неторопливой тщательностью. Бесконечно долго мыл руки (ни дать ни взять леди Макбет, хоть и изрядно располневшая) и неловко втискивал их в стерильные перчатки. У каждого, кто наблюдал за его мучениями, возникало невольное желание ему помочь. Некоторые так и делали. Кое-кто считал, что старый патологоанатом уже ни на что не годится, но Хелен к их числу не относилась. Она никогда не торопила Джима, зная, что ее терпение окупится. К тому же ее завораживала сама процедура превращения грузного и на вид неповоротливого

чудака с руками, щедро украшенными татуировками, в эксперта в стерильном халате. Он помог ей раскрыть уже немало дел.

– Меня, как всегда, торопят. Поэтому изложу только предварительную версию...

Привыкшая к его ворчанию Хелен улыбнулась – и воздержалась от комментариев. Конечно, она торопила Джима, но разве у нее был выбор? Разговор с матерью Сэма вышел особенно тягостным еще и потому, что Хелен было практически нечего ей сообщить. Оливия Тейлор овдовела несколько лет назад, и с ней рядом не было человека, способного поддержать в трудную минуту. Ей предстояло самой помочь младшим детям пережить гибель любимого брата. Хелен видела свой долг в том, чтобы дать несчастной женщине хоть какие-то средства для решения этой невероятно трудной задачи. В первую очередь – как можно скорее подтвердить или опровергнуть рассказ Эми.

Джим больше не ворчал. Развернувшись к лежащему на столе телу, он приступил к отчету.

– Огнестрельное ранение в спину. Пуля вошла под правую лопатку и застряла в грудной клетке. Если есть вопросы к терминологии, скажи сразу – я объясню.

Хелен промолчала. Она уже привыкла к своеобразному чувству юмора патологоанатома. Не дожидаясь ответа, Джим продолжил:

– Причина смерти: остановка сердца. Вызванная либо кровопотерей, либо, что более вероятно, травматическим шоком. На момент выстрела жертва пребывала в крайне неблагоприятном физическом состоянии. На туловище, конечностях и лице наблюдаются признаки истощения: запавшие глазницы, кровь на деснах, облысение. Мочевой пузырь и кишечник практически пусты; в желудке обнаружены частицы ткани, плиточной шпаклевки и человеческих тканей.

Обойдя стол, Джим поднял правую руку трупа.

– Ткани его собственные, откушенные с правого предплечья. Судя по ране, произведено три или четыре укуса.

Хелен зажмурилась – лишь теперь она в полной мере осознала, в каком кошмаре прошли последние дни Сэма, – но через секунду, пересилив себя, открыла глаза. Джим повернул руку мертвеца, давая Хелен рассмотреть изуродованное предплечье, и осторожно опустил назад.

– По моим оценкам, он не принимал нормальной пищи и жидкости в течение как минимум двух недель. Вероятно, даже больше. Все это время организм поддерживал существование за счет жировых запасов; когда они истощились, начал вытягивать питательные вещества из внутренних органов. К моменту убийства он был на волосок от полной функциональной недостаточности. Насколько мне известно, девушка находилась в том же состоянии. Еще пара дней, и оба умерли бы в силу естественных причин.

Джим замолчал и порылся в стопке бумаг у себя на столе.

– Анализ крови. Подтверждает диагноз: обезвоживание и угроза функциональной недостаточности внутренних органов. Единственный необычный штрих – следы бензодиазепинов. Думаю, вы их обнаружите в ее крови, тем более – в продуктах жизнедеятельности.

Хелен кивнула – эксперты-криминалисты уже подтвердили наличие во взятых из бассейна образцах экскрементов сильнодействующего седативного препарата. Она как могла сдерживала волнение, но результаты вскрытия определенно указывали в одном направлении. Джим говорил еще минут десять. Хелен дослушала его отчет и простилась – все, что надо,

она уже узнала.

Как бы невероятно ни звучала история Эми, она, похоже, подтверждалась. В углу бассейна эксперты-криминалисты обнаружили волокна, возможно, оставленные веревочной лестницей, послужившей Эми средством спасения. Пятна на одежде молодых людей позволяли предположить, что от автомобиля до заброшенного бассейна их действительно волокли по открытой местности. Но могла ли женщина в одиночку перетащить на такое расстояние Сэма, весившего не меньше двенадцати стоунов, или ей потребовался бы сообщник? Возвращаясь в участок, Хелен ловила себя на том, что дело захватило ее с головой. Она понимала, что уже не успокоится, пока не раскроет это загадочное преступление. Добравшись до временного штаба расследования, она с удовлетворением отметила, что Марк, как говорится, не терял времени даром. В их работе было огромное количество бюрократических и чисто технических аспектов, пренебрежение которыми могло затормозить ход раскрытия преступления, и Хелен требовала, чтобы все эти вопросы были решены. В этом отношении Марку цены не было. Типичный детектив-сержант – грубоватый, но надежный, – он умел все организовать как надо. И команду он подобрал отличную, включив в основную группу констеблей Бриджеса, Граундса, Сандерсона и Макэндрию. И все эти люди уже подключились к расследованию. При виде Хелен Марк поспешил к ней.

– Что скажем прессе, босс?

Хороший вопрос. Он не давал Хелен покоя с той минуты, как она покинула морг. Эмилия Гаранита от нее не отстанет, на это нечего и надеяться, а за ней потянутся другие. Девушка в заброшенном бассейне застрелила своего бойфренда. Сенсация!

– Как можно меньше. Пока сами не разберемся, в чем дело, – никаких утечек. Ни намек на то, что здесь может быть замешан кто-то третий. Пока наша версия – убийство на бытовой почве, но без акцента на подробностях. Пусть журналисты сами ищут объяснения, почему Эми застрелила Сэма...

– Но мы не можем позволить им без конца чернить его имя.

– Вот именно. Его мать заслуживает лучшего.

– О'кей. Значит – минимум информации.

Выглядел Марк неважно – щеки запали, подбородок в щетине, движения дерганные, – но, несмотря ни на что, он оставался хорошим полицейским, и Хелен серьезно рассчитывала на его помощь.

Убедившись, что механизм расследования завелся, она позволила себе пятиминутный перерыв и заварила чашку чаю. Разговор с Эми отнял у нее немало сил, а уж после посещения морга и беседы с Джимом Гривсом она и вовсе пала духом. Перед глазами до сих пор стояло измученное мертвое лицо Сэма Тейлора. А каково матери увидеть такое... Погруженная в свои мысли, она чуть не вздрогнула, когда к ней подошла Чарли:

– Босс, взгляните, это важно.

Денек выдался богатым на неприятные сюрпризы, но Хелен уже догадалась – это еще не конец.

Чарли протянула ей две фотографии. С них смотрели двое прилично одетых мужчин, с виду бизнесменов: одному чуть за тридцать, второй значительно старше.

– Бен Холланд и Питер Брайтстон. Пропали три дня назад. Возвращались из Борнмута с какого-то юридического совещания. До дома так и не доехали.

У Хелен неприятно засосало под ложечкой.

– Машину нашли в Нью-Форесте. Местная полиция и парковый смотритель прочесывают лес.

– И?.. – Хелен чувствовала, что это еще не все.

– Пальто, сумки и бумажники остались в машине. Мобильники нашли неподалеку – с испорченными симками.

Еще одно исчезновение. Еще более странное, чем первое. Двое взрослых мужчин – умных, сильных, способных постоять за себя – будто растворились в воздухе.

Глава 13

Можно ли заставить себя проснуться, если снится кошмар?

Эта мысль упорно билась в голове Бена Холланда. Должно быть, он спит. Точно, спит. Наверное, они с Дженни после работы заскочили в винный магазин и купили бутылку зубровки... После зубровки еще и не такое приснится... Сейчас он очнется – с больной головой и глупой ухмылкой на лице...

Бен открыл глаза. Конечно, он знал. Знал все это время – здесь воняло так, что ошибиться было невозможно. Невозможно поверить, что это лишь сон. А если на миг согласишься, то нытье Питера быстро вернет тебя к реальности. С момента похищения Бен хорохорился, отказываясь мириться с их плачевным положением, а Питер постоянно жаловался и стонал.

– Да помолчи ты, ради бога, хоть немножко.

– Отвали, – огрызнулся Питер.

«Где же твои хваленые лидерские качества?» – мстительно подумал Бен.

Они в ловушке. Это абсурд, бессмыслица, чушь, но... это факт. Только что, веселые и довольные, они сидели в фургоне, а очнулись уже здесь. В голове – туман, тело болит и ноет, одежда в грязи. Бен поднялся и, щурясь в полумрак, огляделся. Они находились в большом пустом помещении – внутри не то громадной силосной башни, не то склада. На полу валялся рассыпанный уголь. Угольная пыль лезла в глаза и уши и набивалась в рот. Передвигаться было тяжело, ноги оскальзывались, но Бен все же добрался до стены. Его пальцы ощутили холод стали. Бен пошел вдоль стены, надеясь нащупать дверную ручку или задвижку, но стена оставалась одинаково гладкой, и, пару раз споткнувшись, Бен отказался от своей затеи. Задрав голову, он увидел свет, проникающий через круглую щель огромного люка. Так вот как они попали в эту преисподнюю.

Теперь Бену стало понятно, откуда у них на теле и лице все эти синяки и ссадины. До люка было добрых двадцать футов, а уголь на полу не способствовал мягкому приземлению. Он вдруг сообразил, что у него ломит все кости. Первоначальный шок прошел, и проснулась боль. За спиной у него послышался шум, и он обернулся. К нему, пошатываясь, брел Питер. Присмотревшись, Бен прочитал на его вмиг поглупевшем лице немой вопрос. Но что он мог ему ответить? Так они стояли и молчали, когда вдруг зазвонил телефон. На пару секунд оба закаменели, а потом одновременно потянулись к аппарату. Бен успел первым.

Выслушав смертельный ультиматум, они расхохотались нервным смехом. Происходившее все больше напоминало какой-то нелепый розыгрыш. Впрочем, смеялись они недолго.

– Надо позвонить в офис, – заторопился Бен, не желая оставаться здесь ни одной лишней минуты.

– Молодец! Звони Кэрол, она все организует, – подхватил Питер, заражаясь энергией от коллеги.

Бен собрался набрать хорошо знакомый номер, но обнаружилось, что телефон заблокирован. Между ними и свободой стояла преграда из четырех цифр ПИН-кода.

– Давай попробуем!

Бен посмотрел на экран. Индикатор зарядки в правом верхнем углу мигал.

– Что попробуем? Он сейчас разрядится!

– Ну, не знаю... Один, два, три, четыре...

Бен молча посмотрел на него.

– Ну хоть что-нибудь! – рассердился Питер. – Ты в каком году родился?

Это был, конечно, выстрел наугад, но ничего лучшего им в голову не приходило. Бен набрал год рождения Питера, потом свой. При наборе третьей комбинации телефон выключился.

– Вот дерьмо.

Эхо унесло его слова вверх, к люку.

– Что будем делать?

Они стояли, безнадежно глядя на запертый люк. Тонкий лучик света, пробивающийся сквозь щель, выхватывал из тьмы лежащий на полу пистолет.

– Ничего. Что мы можем сделать?

Бен отвернулся, и темнота поглотила окончание его фразы. Отчаяние навалилось на него, и он устало опустился на грязный пол. Почему это случилось с ними? Чем они провинились?

Он исподлобья посмотрел на Питера, расхаживавшего взад-вперед и бормотавшего что-то себе под нос. Питер никогда ему не нравился, но убивать его Бен, конечно, не хотел – не дай бог! Может, пистолет не настоящий? Он поднялся и тут же снова сел, пригвожденный к месту быстрым взглядом коллеги.

Бен словно угодил в свой персональный ад. Он всегда чувствовал себя неуютно в замкнутом пространстве. Где бы он ни оказался, первым делом осматривался в поисках запасного выхода. И вдруг попал в западню. Что еще хуже, в подземную западню. Как заживо погребенный. У него начали дрожать руки. Закружилась голова. На спине выступил холодный пот. Перед глазами заплескали огоньки. Он понял: приближается приступ панической атаки – первый за много лет. Мир сжимался вокруг него в кольцо и сдавливал его все теснее...

– Мне надо выйти. – Бен неловко поднялся на ноги.

Питер обеспокоенно смотрел на него.

– Прости, Питер, но мне надо выйти. НА ПОМОЩЬ! КТО-НИБУДЬ... УМОЛЯЮ! НА ПОМОЩЬ!

Он кричал, уже не владея собой, пока не кончились силы. Потом он умолк. Их найдут. Найдут и спасут. Ведь так? Их спасут – иначе и быть не может. О том, что иначе быть может, не хотелось и думать.

Марк Фуллер вышел из участка вскоре после того, как Чарли сообщила свою новость. Которая произвела эффект разорвавшейся бомбы и открыла новую линию расследования. На сбор информации срочно отрядили группу полицейских в штатском. Им предстояло дважды и трижды проверить каждый факт. Когда исчезновение двух мужчин подтвердится, за дело возьмутся детективы отдела уголовных расследований. Завтрашний день обещал стать для Марка, Чарли и остальных долгим, поэтому Хелен отправила всех домой пораньше. Но Марк не собирался ложиться спать.

Вместо этого он отправился в пригородный район Ширли и припарковался на тихой улочке. Отправляясь сюда, он никогда не пользовался собственной машиной. У него на этот случай имелся выдавший виды «гольф» с тонированными стеклами – настоящая развалина, больше подходящая какому-нибудь юнцу. Идеальный наблюдательный пункт для скрытой слежки.

В окне появилась девочка лет семи. Марк выпрямил спину и подался вперед. Девочка выглянула на улицу и задернула занавески. Марк тихонько выругался – не повезло. Бывали дни, когда Элси оставалась у открытого окна минут по двадцать. Со временем Марку удалось убедить себя, что она высматривает его. Фантазия, конечно, но она грела ему душу.

Услышав стук каблучков по тротуару, он скользнул вниз по сиденью. Глупо – все равно снаружи его не видно. Но стыд заставляет человека делать странные вещи. Он бы не простил себе, если бы она поймала его на том, что он следит за домом.

Хорошо одетая, ухоженная женщина тридцати двух лет энергичной походкой приблизилась к дому, но не успела достать ключ, как дверь распахнулась, и она оказалась в объятиях высокого мускулистого мужчины. Они обнялись и слились в долгом страстном поцелуе.

Вот, собственно, и все. Его бывшая жена в объятиях другого, а он – третий лишний. Марка захлестнула волна злости. Он дал этой женщине все, а она наплевала ему в душу. Что она говорила, подводя черту под их коротким браком? Что любила его, *но не настолько сильно*. Этими словами она убила его на месте. Нет, она ни в чем его не упрекала. Разве что в том, что он оказался для нее *недостаточно* хорош.

Они поженились слишком молодыми. Слишком рано завели ребенка. На первых порах, в суматохе бытовых проблем, их еще держали вместе родительские чувства. Общий страх, что малышка, стоит оставить ее без присмотра, перестанет дышать, и общая радость при виде того, как дочка растет и крепнет. Но чем дальше, тем больше Кристину тяготила роль домохозяйки и матери – со всей ее отупляющей рутинной, и жена решила вернуться на работу. В суде, когда решался вопрос, с кем из родителей останется дочь, Кристина обвинила его во всех смертных грехах. Она хорошо подготовилась к заседанию. В ее пользу говорили материнская любовь, устроенный быт и хорошо оплачиваемая работа. Против него свидетельствовала непредсказуемая и полная опасностей профессия полицейского. Кристина не забыла красочно расписать несколько эпизодов, доказывающих его пристрастие к спиртному. Что же сделала эта женщина, получив право одной воспитывать Элси? С головой ушла в работу, доверив дочь заботам сожителя. Женщина, когда-то поклявшаяся любить Марка всем сердцем, оказалась лживой мстительной стервой.

Кристина и Стивен вошли в дом. Сейчас Элси примет ванну, наденет халатик «Хелло, Кити» и шлепанцы, которые купил ей Марк, и сядет перед телевизором смотреть вечернюю сказку для малышек. Вообще-то Элси уже вышла из того возраста, когда детей увлекают такие передачи, но она ее прямо обожала и не пропускала ни одной. Злость у Марка куда-то

схлынула, сменившись нестерпимой печалью. Еще не так давно родительские заботы и ему казались тяжким бременем – бесконечные купания, укладывание в постель, сказки на ночь, игры и многое другое, – но теперь он все на свете отдал бы, чтобы снова окунуться в их круговорот. Зря он сюда приехал. Марк завел двигатель и рванул с места. Прочь от этой улицы, от этого дома. Вот если бы можно было так же лихо умчаться от своих проблем... Мысли неугомными мартышками скакали в голове, кривляясь и дразня неудачником и ничтожеством. Никому не нужным. Не доезжая до дома, Марк резко свернул на Касл-уэй. Там, неподалеку от порта, располагался паб. Попад в него до полуночи, можно было сидеть в заведении хоть до утра. Именно этим он и собирался заняться.

Глава 15

Брайтстоны жили в престижном городском районе Истли, в собственном доме викторианской постройки. Сейчас перед ним расхаживала разъяренная Хелен. Накануне они с Марком договорились встретиться здесь в половине десятого. Было уже почти десять, а он так и не появился. Отправив ему на телефон третье голосовое сообщение, она решительно прошагала к двери и позвонила. Вот ведь бестолочь! Ну ничего, она ему еще покажет!

Дверь открыла Сара Брайтстон, миловидная женщина лет сорока пяти. Дорогой наряд, безупречный макияж. Обнаружив у себя на крыльце инспектора полиции, она не выказала никаких эмоций и пригласила Хелен в дом.

– Когда вы заявили об исчезновении мужа?

– Два дня назад.

– Хотя накануне он не вернулся домой?

– Питер – большой жизнелюб. И иногда его жизнелюбие бьет через край. Он всегда воспринимал поездки в Борнмут как что-то вроде праздника. Вполне мог напиться до бесчувствия, да и коллег напоить, а потом остаться ночевать в гостинице. Но утром он обязательно позвонил бы – узнать, как я, как мальчишки...

– У вас есть предположения, где может быть ваш муж?

– Заблудились, наверное. По дороге поломались и пошли искать автомастерскую. Скорее всего, выпил лишнего, пошел и подвернул ногу. Или налетел на что-нибудь, расшибся. Это в его духе. С ним такое частенько случается.

Она говорила уверенно, нисколько не сомневаясь, что ее муж жив и здоров. Восхищаясь ее стойкостью, Хелен все же заподозрила неладное.

– Сколько человек участвует в поисках? – спросила Сара.

– Мы задействовали все наши ресурсы.

По крайней мере не пришлось лгать. Поиски действительно шли полным ходом, но результата пока не было, и с каждым часом росли опасения за безопасность пропавших мужчин. Дорога, по которой они поехали, выныривала из леса близ Кал-мора – узкая и длинная, но единственная. Заблудиться они не могли. Погода стояла ясная, никакого тумана...

Хелен уже чувствовала, что трагедия, пережитая Эми, и исчезновение Питера связаны между собой, но выдвигать подобное предположение не стала и остальным запретила – пока они вели официальное расследование об исчезновении двух человек. Хелен не сказала Саре,

что она из убойного отдела. Пока не время.

– У Питера были неприятности? Его что-нибудь беспокоило? – спросила она.

Сара покачала головой. Хелен оглядела хорошо обставленную комнату. Питер прилично зарабатывал в своей юридической фирме, а Сара занималась торговлей антиквариатом, так что в деньгах семья не нуждалась.

– В последнее время кто-нибудь просил у него взаймы? Может быть, вы заметили, что ваше финансовое положение изменилось? Или, наоборот, появились лишние деньги?

– Нет, ничего такого. Все как обычно. Мы не стеснены в средствах. И никогда не были.

– Как бы вы охарактеризовали ваш брак?

– Мы любим друг друга. Верны друг другу. У нас прочный брак. – На последних словах она повысила голос, как бы подчеркивая неуместность вопроса.

– Может быть, проблемы на работе? – спросила Хелен, меняя направление разговора.

Питер и Бен работали в престижной адвокатской фирме, специализировавшейся на морском праве. В их практике попадались требующие долгого рассмотрения, связанные с морскими перевозками дела, в которых фигурировали большие деньги. Не исключено, что исчезновение двух юрисконсультов отвечало чьим-то интересам.

– Не оказывали ли на него давления в связи с каким-нибудь делом?

– Питер ничего такого не говорил.

– Он не задерживался на работе дольше обычного?

Сара помотала головой.

– Он обсуждал с вами работу?

Сара твердо стояла на том, что о работе мужа ничего не знает, и Хелен сделала мысленную пометку: проверить на фирме. Ее не оставляло неприятное ощущение, что она цепляется за соломинки. В поисках вдохновения Хелен скользнула взглядом по стенам и наткнулась на фотографию Питера – улыбающийся отец семейства на пляже в центре веселой компании. На Пасху семья собиралась в Бостон. Сара несколько не сомневалась, что ее супруг вот-вот объявится и жизнь вернется в норму. Хелен тоже хотелось в это верить, но в глубине души она опасалась, что Сара больше никогда не увидит мужа.

Глава 16

Ночью Питер Брайтстон продрог до костей. Он всегда, даже зимой, носил легкие костюмы – главным образом потому, что сильно потел, – и теперь горько раскаивался, что не изменил своей привычке. В оставшейся в Нью-Форесте машине Бена лежало пальто на теплой подкладке, подаренное ему Сарой на день рождения. Проклиная все на свете, он поплотнее запахнул пиджак и тяжело вздохнул. В воздухе заколыхался клубок пара. Ничего другого Питер не видел – вокруг царила крошечная тьма. Он не видел даже лежащего где-то рядом Бена, лишь ощущал его присутствие. Как там его товарищ по несчастью? В принципе, Бен хороший парень, но только не в подобных обстоятельствах. Сначала, поддавшись панике, едва не упал в обморок, а потом кричал во сне. Окружавшие их стальные стены усиливали ночные страхи, создавали ощущение тягучего кошмара, поднимавшееся откуда-то из самых печенок. Когда же их найдут? Или им суждено умереть в этой вонючей яме?

Питер бросил взгляд в ту сторону, где лежал его коллега, и под прикрытием темноты полез в карман. Он никогда не отправлялся в поездку без пакетика мятных леденцов –

нехорошо, если по возвращении домой от тебя разит перегаром, – осторожно высвободил из мятой обертки последнюю конфетку и быстро сунул в рот. Когда они попали сюда, в упаковке оставалась примерно половина, и Питер съел все конфеты сам, ни слова не сказав Бену. Разумеется, тот поступил бы на его месте точно так же. Голодное ворчание пустого желудка заглушало слабый голосок совести. Он покатал леденец во рту – сахар растворился и со слюной стек в горло теплой, сладкой, приятной струйкой.

Но что дальше? Скучный запас истощился. Уснуть не получалось, и голод терзал Питера сильнее. Что, черт возьми, он – они – будут есть теперь? Уголь? Питер горько рассмеялся, но тут же осекся. Эхо звучало жутковато, а он и без того был весь на нервах. *Нужно успокоиться*. За последние пять лет он перенес два сердечных приступа, и заполучить еще один, тем более здесь, ему совсем не улыбалось. Поначалу случившееся ввергло его в шок, но потом он взял себя в руки и попытался отыскать выход из ловушки. Стены хранилища кое-где проржавели, и в одном месте ему удалось оторвать двухдюймовую полоску металла. Какое-никакое, но все же орудие. Он бил этой железякой по стене в надежде проделать дыру и даже попробовал, как крюком, цепляясь ею за стену, подняться к люку. Из этого ничего не вышло, а подъем закончился унижительным падением.

По щекам у него вдруг покатались слезы. От мысли, что ему суждено умереть в этой душной яме, вдалеке от детей, нахлынуло отчаяние. Он не делал ничего плохого. Только хорошее. По крайней мере пытался. Он не заслужил такого. Такого никто не заслуживал. Питер сердито разгреб уголь и, раскопав неглубокую ямку, устроился поудобнее. Спит ли Бен? Неизвестно. Некоторое время назад тот затих и не издавал ни звука. Может, надо проявить больше заботы к Бену, когда тому снятся кошмары? Вдруг Бен обиделся? Тогда у него вполне могут созреть кое-какие мысли... Питер даже думать не хотел на эту тему. Откровенно говоря, он понятия не имел о том, что творится на душе у Бена. Он знал его только по работе. Бен никогда не рассказывал о своем прошлом – интересно почему? Что, если они попали сюда из-за него? Питер открыл было рот, чтобы разбудить Бена и расспросить его хорошенько, но в последний миг прикусил язык. Нет уж, лучше молчать. Кто знает, какой будет реакция Бена, начини он его обвинять.

Лежа в холодной ямке, Питер корил себя за то, что не удосужился поближе познакомиться с Беном. С другой стороны, не зря ведь говорят: чужая душа – потемки.

Эти тревожные мысли всю ночь не давали Питеру уснуть.

Глава 17

В оперативном штабе кипела работа. На доске рядом с фотографиями Эми и Сэма висели карты с маршрутом их поездки из Лондона в Гемпшир, схемы и снимки заброшенного бассейна, списки их друзей и родственников. Сандерсон, Макэндрю и Бриджес обзванивали потенциальных свидетелей, компьютерщики вносили новые данные в полицейскую информационную систему ХОЛМС-2, выискивая в деталях похищения совпадения с десятками тысяч других преступлений. Детектив-констебль Граундс внимательно анализировал полученные результаты.

Марк задержался у двери, не решаясь переступить порог. Его мутило, голова гудела, перед глазами все плыло. Больше всего ему хотелось развернуться и удрать, но он понимал, что от ответственности все равно не уйти. Вздохнув, он направился к столу Чарли.

– Ты как раз вовремя, – приветливо сказала она. – Через десять минут совещание. Думала что-нибудь соврать, а вот и ты...

В такие дни Чарли особенно ему нравилась. Она никогда не осуждала его за безобразное поведение, недостойное профессионала, никогда не выдавала и всегда поддерживала. Марку было совестно, что она постоянно его прикрывает.

– Кофейку принести? – предложила Чарли. – Придешь в себя. И мозги на место встанут.

Она уже начала выбираться из-за стола, когда в комнате прозвенел громкий голос Хелен:

– Сержант Фуллер! Соболаговолили-таки почтить нас своим присутствием. Как мило.

У Марка упало сердце. Отсрочки не будет. Развернувшись на каблуках, он поплелся в кабинет Хелен – долгой дорогой стыда через всю комнату. Занятые своими делами коллеги исподтишка поглядывали на обреченного.

Марк закрыл за собой дверь и повернулся к Хелен. Сесть она ему не предложила, и он остался стоять. Ясное дело, она хотела, чтобы он прочувствовал всю глубину своего падения.

– Виноват, босс.

Хелен оторвалась от бумаг.

– Виноват? В чем?

– Что не пришел, как договаривались. Подвел...

По пути на работу Марк заготовил целую речь, но сейчас не мог вспомнить из нее ни одного слова. Нестерпимо болела голова. Казалось, пол качается у него под ногами. Поскорее бы отсюда убраться...

Хелен смотрела на него в упор, но расшифровать, что выражает ее взгляд, он, как обычно, затруднился бы. Злость? Разочарование? Или просто скуку? После долгого молчания она произнесла:

– Ладно.

Марк моргнул – что она имеет в виду?

– Может, объяснишь, что с тобой происходит? Опаздываешь. Пьешь. А на кого ты стал похож?

Возразить Марку было нечего. Он по опыту знал – когда Хелен разойдется, лучше ей не перечить.

– Я знаю, что у тебя было трудное время, но ты на волосок от вылета. Уиттакер давно ищет повод, чтобы тебя выгнать. Я этого не хочу. Но я должна знать, что происходит. У нас трудное дело. Мой заместитель должен быть в форме.

– Ну, пропустил вечером пару рюмашек...

– Не пойдет. Давай сначала.

Молотки в голове у Марка застучали сильнее.

– Ладно, не пару. Больше. Встретил старых приятелей...

– Еще раз соврешь, и я снимаю трубку и звоню Уиттакеру.

Марк опустил голову. Ему не нравилось, что Хелен заговорила о его пьянстве. Все знали, что она капли в рот не берет, и признаться в том, что да, прошлой ночью он упился вдрызг, значило предстать в ее глазах тряпкой, не заслуживающей ничего, кроме презрения.

– Где ты был?

– В «Единороге».

– Господи. И?..

– Пил с восьми до восьми. Лагер, виски, водку.

Вот так – взял и выложил.

– И давно это с тобой?

– Месяца два. Может, три.

– Каждый вечер?

Марк пожал плечами. Сказать «да» ему не доставало решимости, хотя все было ясно без слов. Они оба понимали: если он и дальше будет продолжать в том же духе, сопьется. За спиной Хелен висело зеркало, и Марк поймал в нем свое отражение. Он до сих пор считал себя привлекательным – высокий, стройный, с густыми выющимися волосами, – да еще год назад он таким и был, но сейчас из зеркала на него глядел человек, стремительно катящийся на дно. Бледная безжизненная кожа, пустые глаза. Небритый, нечесаный.

– Завязывать надо.

Он не собирался откровенничать. Не хотел. Слова вырвались сами. Просто потому, что он больше не мог молчать. Ему требовалось с кем-то поговорить. А Хелен всегда относилась к нему справедливо. И он чувствовал себя ее должником.

– Это с моей стороны нечестно... По отношению к тебе, к команде. Ты не можешь вечно меня вытаскивать...

Хелен по-прежнему смотрела на него. Впервые за время разговора ее лицо смягчилось.

– Я тебя понимаю. Если тебе нужен отпуск – возьми. Но не вздумай уходить.

В ее голосе звучала стальная решимость:

– Ты слишком хорош, чтобы себя губить. Ты лучший детектив из всех, с кем я работала.

Марк не знал, что ей ответить. Он ждал насмешек, презрения, но Хелен, похоже, искренне хотела ему помочь. Они и в самом деле через многое вместе прошли – взять хотя бы расследование прошлогодних убийств на Пейджет-стрит. Он тогда показал себя с наилучшей стороны. И между ними сложились по-настоящему товарищеские отношения. В каком-то смысле ее доброта была хуже любой выволочки.

– Я помогу тебе, Марк, – продолжала Хелен. – Но ты должен начать работать. Мы расследуем убийство, и, если я говорю, что ты нужен мне там-то и там-то в девять тридцать утра, хоть тресни, но явись. Если не можешь или не хочешь – я устрою тебе перевод или временное отстранение. Ты меня понял?

Марк кивнул.

– Никаких завтраков с водкой. Никаких ланчей в пабе. Ни какого вранья. Доверишься мне, я тебя вытащу. Но только если ты будешь мне верить. Ты мне веришь?

Он поднял голову и посмотрел ей в глаза:

– Конечно.

– Хорошо. Тогда за дело. Совещание через пять минут.

Она вернулась к своим бумагам, а Марк пусть и не совсем твердой походкой, но с легким сердцем вышел из кабинета. Хелен Грейс преподнесла ему очередной сюрприз.

Глава 18

Возвращаясь домой, в центр города, Хелен еще раз мысленно прокрутила в голове разговор с Марком. Не слишком ли сурово она с ним обошлась? Или, наоборот, слишком мягко? Не повторяет ли прежних ошибок? Так и не придя ни к какому определенному

выводу, она вошла в квартиру, захлопнула за собой дверь, накинула цепочку и прошествовала напрямик в ванную. После двух суток на ногах Хелен мечтала о душе.

Она встала лицом к рассекателю и подставила под обжигающе горячую воду шею и грудь. Повернувшись спиной и почувствовала, как в тело вбиваются жалящие иголки. Вытерпев первые несколько мгновений, Хелен испытала истинное блаженство. Она вытерлась и вернулась в спальню. Уронив на пол полотенце, посмотрела на себя в высокое зеркало. Очень даже ничего. Хотя немногие видели ее такой. Хелен избегала сердечных привязанностей, подразумевавших откровенность, и потому довольствовалась короткими связями. Ее партнеров это не расстраивало: большинство были только рады переспать с женщиной, готовой наутро исчезнуть из их жизни.

Открыв шкаф, Хелен скользнула взглядом по джинсам и рубашкам, но остановила выбор на спортивных брюках и топе – вечером в ее расписании значился урок боевых искусств, и переодеваться дважды не имело смысла. На секунду ее внимание привлекла аккуратно упакованная в прозрачный пластиковый чехол полицейская форма – она надевала ее давным-давно, отправляясь в патрулирование. В тот день, когда она впервые надела противоударный жилет, убрала назад волосы и вышла на улицу, стал одним из самых счастливых в ее жизни. Она попала туда, куда хотела. Туда, где от нее что-то зависело. Все вдруг восхитительно изменилось – форма лишила ее индивидуальности и вместе с тем подарила ощущение безопасности, уверенности и силы. Форма была чем-то вроде маскировки, но внушающей уважение. Еще и сегодня она немного тосковала по тем временам, хотя понимала, что честолюбие и неумная энергия не позволили бы ей долго оставаться простым констеблем.

Отогнав ностальгические мысли, Хелен заварила себе чаю и перешла в гостиную – просторную, скупо обставленную комнату. Ни картин на стенах, ни разбросанных тут и там журналов. Чистота и порядок, каждая вещь на своем месте.

Она взяла книгу и села читать. Книг у нее было много, они тесными рядами заполняли полки. Исследования по психологии преступников, в том числе серийных убийц, история города Куантико, где расположена Академия ФБР, – все изрядно зачитанные. Хелен почти не читала художественную литературу – не верила в хеппи-энд, каким заканчивается чуть ли не каждый роман, – зато ценила знания. Погрузившись в свой любимый труд по психологии преступников, она закурила сигарету. Бросить курить она пыталась много раз, но в конце концов махнула рукой. Сигареты дарили удовольствие, ради которого она соглашалась сносить упреки внутреннего цензора, оправдываясь тем, что дурные привычки есть у каждого.

Мысли вдруг перескочили на Марка. Интересно, ее слова возымели хоть какое-то действие или он уже сидит в «Единороге», заливая свои горести спиртным? Пристрастие к алкоголю вполне может стоить ему работы, а то и жизни, и Хелен всей душой надеялась, что парню все же удастся не скатиться в пропасть. Терять Марка ей не хотелось.

Хелен попыталась сосредоточиться на книге, но глаза скользили по строчкам, а смысл слов не доходил, и ей то и дело приходилось возвращаться к началу фразы, чтобы ухватить логическую нить. Пожалуй, она не умеет отдыхать. Наверное, поэтому и работает так много.

Хелен глубоко затянулась. В мозгу зашевелились воспоминания, которые она, как ни старалась, не могла забыть. Она потушила сигарету, положила книгу на кофейный столик, взяла спортивную сумку и быстрым шагом спустилась вниз. А не заглянуть ли по пути в спортзал в оперативный штаб? Вдруг есть новости. В любом случае на пару часов она себя займет, не давая подступить тьме.

Не помню, когда я в первый раз увидела, как отец бьет мать. Я вообще плохо запоминаю картинку. Зато звуки помню явственно. Хруст, с каким кулак врезается в лицо. Грохот падающего на кухонный стол тела. Стук головы о стену. Всклипы. Крики. Бесконечную ругань.

К этому нельзя привыкнуть. Зато приучаешься постоянно этого ждать. И каждый раз, когда это случается, становишься чуть-чуть злее. И чуть острее ощущаешь собственное бессилие.

Она никогда не защищалась. Не сопротивлялась. Именно это бесило меня больше всего. Она все сносила покорно. Как заслуженное наказание. Может, и вправду считала себя виноватой? Как бы то ни было, если она собиралась и дальше терпеть побои, то я была настроена по-другому. И однажды решила, что в следующий раз вмешаюсь.

Долго ждать не пришлось. Лучший друг отца, Джонно, умер от передозировки героина. После похорон отец не просыхал тридцать шесть часов подряд. Когда мать попыталась остановить его, он боднул ее в лицо – и сломал ей нос. Вот тут я и врезала этому уроду ногой по яйцам.

Он сломал мне руку, выбил передний зуб и едва не задушил ремнем. Я уж думала, мне конец.

Один психотерапевт предположил, что моя неспособность выстраивать серьезные отношения с мужчинами уходит корнями в этот эпизод. Я тогда кивнула, соглашаясь, хотя на самом деле мне хотелось плюнуть ему в лицо.

Глава 20

Можно ли умереть от страха? Питер уже несколько часов не подавал никаких признаков жизни.

– Питер?

Он даже не пошевелился. В душе Бена всколыхнулась надежда. Наверное, у него не выдержало сердце – разорвалось от жалости к самому себе. Да, вполне возможно. И это замечательно. Идеальное решение. Выживает самый приспособленный.

На него тут же нахлынуло раскаяние. Желать другому человеку смерти... Ужасное побуждение. Особенно если учесть, через что им пришлось пройти. И потом, даже если Питер умер, будет ли его смерть зачтена как условие освобождения? В конце концов, Бен ведь его не убивал.

Бен задумался о похитительнице. Он никогда раньше не видел эту женщину с длинными черными локонами и пухлыми розовыми губами. Зачем ей было их похищать? Или все происходящее – не более чем идиотский розыгрыш, телевизионное реалити-шоу? И скоро, буквально в следующую минуту, сюда, как черт из табакерки, запрыгнет режиссер и объяснит, что патрон в пистолете холостой? К сожалению, тон, каким похитительница говорила по телефону, к шуткам не располагал. Она жаждала крови.

У Бена сами собой потекли слезы. Он видал в своей жизни слишком много крови... Умереть здесь, в этой яме, было бы верхом жестокости.

Пора. Почему бы и нет? Надо только убедиться, что Питер и правда умер. Во всяком случае, выглядел он неживым. А раз так, то хуже ему уже не станет.

– Питер! Питер?

Бен поднялся. Осуществить задуманное в тишине все равно было невозможно, поэтому он нарочно производил как можно больше шума. Потянувшись, хрустнул костями. С громким стоном зевнул.

– Извини, Питер, мне надо посрать.

Никакой реакции.

Бен шагнул к пистолету. Подождал. Сделал еще шаг.

– Ты меня слышишь?

Бен медленно наклонился. В лодыжке хрустнул сустав – по башне разлетелось, чтоб ему, эхо. Бен замер. Потом медленно и осторожно поднял пистолет. Метнул взгляд в сторону Питера – а вдруг тот сейчас вскочит? Нет, не вскочил. А жаль. Тогда, по крайней мере, получилось бы что-то вроде схватки.

Он нашел предохранитель. Сдвинул. Навел ствол, целясь Питеру в спину. Нет, так не пойдет. Можно промахнуться. Или только ранить. У этой долбаной железяки может быть какой угодно рикошет. Еще не хватало, чтобы одной пулей убило их обоих. Да, хорошая была бы шутка.

Ладно, хватит юлить. Бен сделал еще шаг.

– Питер?

Он точно умер. И все-таки лучше проверить. Убедиться, что выход есть. В голове вдруг мелькнула мысль о Дженни. Его невесте. Она, наверное, в отчаянии. Скоро он ее увидит. Она его простит. Конечно, простит. Поймет, что у него не было выхода.

Еще шаг вперед.

Бен опустил пистолет так, что дуло почти уперлось Питеру в затылок. Ну вот и все, подумал он и потянул спусковой крючок. И вот тогда Питер вдруг вскочил и всадил стальную планку Бену в левый глаз.

Глава 21

До спортзала Хелен так и не добралась. В оперативном штабе ее перехватила Чарли. Обычно бодрая и веселая, она держалась непривычно серьезно. Посовещавшись о чем-то вполголоса, женщины вышли из комнаты.

– В спортзале сегодня лесбийский вечер, – съязвил констебль Бриджес, не отводя жадного взгляда от соблазнительной попки вполне себе гетеросексуальной Чарли.

Хелен и Чарли пробирались через запруженный машинами центр города к отделению криминалистической экспертизы. В час пик пятиминутная поездка превращалась в двадцатипятиминутную, а уж в дни предрождественской суеты, когда на улицы Саутгемптона высыпало чуть ли не все население города, могла и вовсе растянуться на целый день. В офисах устраивали корпоративные вечеринки. Хелен вслух негодовала на огромные туристические автобусы, забившие полосу общественного транспорта. Они включили мигалку, и дорогу им хоть и нехотя, но уступали. В одном месте они проехали по луже блевотины, забрызгав виновника безобразия. Чарли тихо хмыкнула.

«Лексус-силвер» Бена Холланда стоял на стенде в ожидании осмотра. Хелен и Чарли встретила ветеран отделения Салли Стюарт.

– В общих чертах Чарли все вам уже рассказала, но я подумала, что вы захотите посмотреть своими глазами.

Они прошли под стенд и задрали вверх головы. Салли включила фонарик и осветила правую заднюю надколесную арку.

– Как и следовало ожидать, довольно грязная, учитывая, сколько миль он делал каждую неделю. Но эта арка выглядит грязнее остальных. И пахнет. Почему? Потому что промариновалась в бензине.

Они вышли из-под стенда, и Салли опустила машину ниже, до уровня глаз.

– Вот.

Вместе с помощником они осторожно сняли правое крыло. Внутренности автомобиля обнажились. Салли осветила бензобак. Хелен удивленно моргнула.

– Бензобак проколот. Отверстие небольшое, но расположено на днище, поэтому со временем содержимое вытекло полностью. Судя по следам на арке, машина выехала из Борнмута с практически полным баком. Бензин вытекал быстро и равномерно, по моим прикидкам, со скоростью полтора литра в минуту, следовательно, водитель остался без топлива где-то на половине пути через Нью-Форест. Я только не понимаю, почему он выбрал этот маршрут.

Хелен промолчала. Мозг уже включился, переваривая новую информацию.

– Ваш следующий вопрос: появилась ли пробойна случайно? Всякое бывает, но я бы сказала, что нет. Отверстие слишком ровное, слишком круглое. Как будто кто-то пробил днище гвоздем с помощью молотка. Если это действительно саботаж, то простой и эффективный.

С этими словами Салли двинулась дальше. Рассуждать что и почему не входило в ее компетенцию – она лишь представляла факты. Хелен и Чарли переглянулись – обе подумали об одном и том же. Залив бак под завязку, Бен, скорее всего, не смотрел на бензиномер, а когда понял, что топлива не осталось, было уже слишком поздно. Если он и обратил внимание на сигнал индикатора уровня топлива, в его распоряжении оставались одна-две минуты.

– По всей видимости, она знала, – вслух рассуждала Хелен. – Знала, что Питер и Бен каждую неделю ездят одним и тем же маршрутом. Что Бен всегда заправляется на бензоколонке «Эссо». Наверное, провела подготовительную работу: выяснила объем бензобака, скорость расхода топлива, рассчитала требуемый размер пробоины...

– Чтобы они застряли именно там, где ей нужно, – закончила за Хелен Чарли.

– Она *следила* за ними. Это наш отправной пункт. Начнем с семьи Эми – любые случаи нежелательного внимания, подозрительные знакомства и все такое. То же в отношении Холландов и Брайтстонов.

Настала их очередь сделать ход, и Хелен надеялась, что добьется преимущества, хотя чутье подсказывало ей, что игра будет долгой, трудной и смертельно опасной. Они имели дело с волевым, умным и расчетливым преступником. Мотив оставался неясным, но они поняли главное: противник у них серьезный. Самый главный вопрос звучал теперь так: где Бен и Питер? И увидят ли они кого-то из них живым?

Прошло несколько часов, но адреналин еще кипел у него в крови. Злость не ослабела под влиянием чувства вины. Расхаживая взад-вперед, Питер Брайтстон снова и снова проклинал свою жертву. Надо же, собирался в него выстрелить! В затылок! И чего он, на хрен, ожидал?

Питер горько рассмеялся, вспомнив, что это именно он, отказав другим, более подготовленным кандидатам, принял Бена на работу в фирму – потому что ему понравились решительный характер и предприимчивость новичка. И вот благодарность. Недолго думая Бен решил вышибить ему мозги. Вот урод. Что ж, он свое получил – когда завыл, получив железкой в глаз.

Питер сжал железку, на которой застыла кровь Бена: даже теперь, когда худшее осталось позади, он не выпускал ее из рук.

Это была самооборона. Конечно, самооборона. Он не должен об этом забывать. Правда, он заранее приготовил оружие... Расчетливо. Тайком. Себя не обманешь – он планировал убить Бена. Знал, что тот его недолюбливает. Не питает к нему должного уважения. Отпускает по его адресу шуточки. Бен всегда слишком много о себе воображал. Но Питер его раскусил. И потом, разве у него был выход? У него жена и дети. А что у Бена? Невеста? Эта безмозглая курица? Которую в жизни интересуют только деньги, это всем известно. Говорили, они собираются забабахать свадьбу – розовая карета, кружевные платья, пони, мальчишки-пажи... Бр-р, безвкусица. Бен мертв. Из дырки на лице сочится кровь. Никакой свадьбы не будет.

Тишина. Жутчайшая тишина одиночества. Ничего подобного Питеру переживать не доводилось. Убийца наедине с жертвой. О Господи.

А потом... Слепящий свет. Кто-то сорвал люк, и полуденное солнце хлынуло в яму, обжигая глаза. Что-то тяжелое упало к его ногам.

Веревочная лестница.

Легкие заполнились свежим воздухом, кислородом, и все его тело содрогнулось в конвульсиях эйфории. Свободен. Жив.

Он выжил.

Он тащился, прихрамывая, по тихому проселку. Машины здесь не ездили, а значит, шансов получить помощь практически никаких. Даже обрета свободу, Питер боялся, что это всего лишь хитрый трюк. Что она смеется, наблюдая, как он тащится по дороге, заставляя двигаться измученное тело. Что его выследят и затравят. Питер уже смирился с тем, что умрет в той мерзкой темной дыре. Неужели похитительница действительно сдержит свое обещание и не прикончит его?

Заметив впереди признаки жизни, он прибавил шаг.

«Добро пожаловать!» – гласила аляповатая вывеска над дверью универсального магазина. Питер при виде ее рассмеялся. Но тут же на глаза навернулись слезы. Он толкнул дверь, и его встретило море встревоженных лиц. В основном здесь собрались пенсионеры и школьники. Конечно, выглядел он хоть куда – весь в кровище, провонявший мочой. Питер двинулся к кассе, но не дошел – рухнул на стол, заваленный предлагавшимися по акции чипсами. Никто не бросился ему на помощь. Все испугались, словно увидели живой труп.

Теплостанция Данстон, работавшая на угле, располагалась на западной оконечности бухты Саутгемптон-Уотер. В лучшие дни она снабжала электричеством не только южное побережье, но и более далекие районы, но в 2012 году по решению правительства, начавшего масштабную реформу электроснабжения, ее поставили на консервацию. Старая низкорентабельная теплостанция не выдерживала конкуренции с новыми, более экономичными и чистыми, которые возводились по всей стране. Персонал отправили на переобучение, станцию опечатали. Окончательный демонтаж отложили на два года, и пока она по-прежнему возвышалась над окружающим пейзажем памятником славному прошлому. От гигантской центральной трубы на огороженный лентой участок, обозначенный как место преступления, падала длинная тень. Лента трепыхалась под порывами ветра, и Хелен, направляясь к ней, невольно поехала.

Марк старался от нее не отставать. Он настоял на том, что сам сядет за руль и привезет их сюда из полицейского участка. Накануне он не пил и выглядел значительно лучше. Возможно, слова Хелен все же подействовали. Шагая рядом с Марком, она внимательно осматривала окрестности.

На станции была установлена охранная сигнализация, но, убедившись, что мародеров, охотившихся за медью, она не останавливает, ее отключили, тем более что все более или менее ценное отсюда уже украли. Значит, можно просто снять цепь с главных ворот и проехать на территорию станции. Найдут ли они следы покрышек? Отпечатки обуви? Пробраться к люку подземного углехранилища не составляло никакого труда. Откинуть люк одному человеку было, пожалуй, не под силу, но если прицепить его крышку к машине... Оставленные автомобильными колесами глубокие борозды позволяли предположить, что, по всей вероятности, так *она* и поступила. Но ведь *ей* еще надо было сбросить в яму своих жертв.

– Как она перетаскала двух бесчувственных мужчин из машины в углехранилище? – словно прочитав ее мысли, спросил Марк.

– Рост Бена около шести футов, но он худощав. Сколько, по-твоему, он весит? Стоунов двенадцать?

– Примерно. Его женщина еще могла бы доволочь в одиночку, но Питера...

– Да, в нем стоунов четырнадцать. Если не больше.

Хелен наклонилась. Земля вокруг люка была испещрена следами, но кому они принадлежали? Похитительнице, перетаскивавшей жертвы, или Питеру, выбравшемуся наружу?

Конечно, так рассуждать нельзя. Опытный полицейский никогда не станет делать выводы относительно характера преступления и личности преступника, основываясь на предположениях. Но Хелен *знала* – это второе убийство. Даже если забыть на время о пробитом бензобаке на машине Бена, который сам по себе служил важной уликой, история Питера Брайтстона слишком напоминала рассказ Эми, чтобы отрицать связь между обоими случаями. На лице Питера, когда они с ним встретились, отражались те же боль, вина и ужас, что они наблюдали, беседуя с Эми. Эти двое являли собой своего рода живые визитные карточки неизвестного садиста – или садистки. Но в чем смысл ее преступлений? Какую цель преследует неведомая похитительница?

Одно было очевидно: им противостоит серийный убийца. Пройдя подготовку на специальных курсах, Хелен изучила немало дел подобного рода, но этот случай ставил ее в тупик. Обычно мотив преступления связан с жертвой и отыскивается довольно легко. Но не на этот раз. В преступлениях не просматривалась сексуальная подоплека; какая-либо возрастная, гендерная или статусная корреляция между жертвами также отсутствовала. Хелен чувствовала, что ее словно затягивает в длинный темный туннель. Ей пришлось ущипнуть себя, чтобы не поддаться накатившей волне беспомощности и отчаяния. Она найдет преступника. По-другому и быть не может.

Они подошли к краю ямы. Хелен попросила принести лестницу – ей не терпелось спуститься и увидеть все своими глазами. Люк уже открыли, и она заглянула в углехранилище. Так и есть – там, в темноте, лежало тело. Труп Бена Холланда, убитого Питером Брайтстоном.

– Сама полезешь или лучше мне?

Марк спросил это из лучших побуждений, вовсе не пытаясь продемонстрировать свое превосходство над Хелен, и она не обиделась.

– Я сама, – ответила она Марку. – Постараюсь побыстрее.

Хелен осторожно спустилась по лестнице на дно угольной ямы и едва не задохнулась. Воняло газом, угольной пылью и экскрементами. Криминалисты уже обнаружили в экскрементах Сэма и Эми следы сильнодействующего седативного препарата – бензодиазепина. Не исключено, они найдут их и здесь. Хелен повернулась к трупу. Он лежал лицом вниз, в застывшей под головой луже крови. Стараясь не прикасаться к телу, Хелен опустилась рядом с ним на колени и, низко наклонившись, взглянула на лицо жертвы. Первым ее чувством было отвращение, но его тут же сменило изумление. Отвращение вызывала кровавая рана на месте левого глаза. Изумление – тот факт, что перед ней – не Бен Холланд.

Глава 24

Так скоро Джейк ее не ждал. Обычно она приходила на свой часовой сеанс не чаще раза в месяц, строго, почти по расписанию. Он даже не хотел отвечать на ее звонок – часы показывали начало двенадцатого ночи. Да и вообще он привык, что клиенты из соображений безопасности записываются заранее. Но он увидел на экране ее лицо и встревожился. К тому же ему стало интересно.

У нее явно что-то случилось. Войдя, она на него даже не взглянула. Не извинилась за то, что побеспокоила в столь поздний час. Обычно она все же удостаивала его беглой улыбки или коротко бросала: «Привет». Но не сегодня. Она выглядела подавленной, погруженной в свои мысли и явно не настроенной ни с кем общаться. Молча положила на стол деньги и разделась. Сняла бюстгальтер и трусы, оставшись в чем мать родила. В ее позе не было ни вызова, ни двусмысленности. Он ведь не шлюха какая-нибудь, хоть и предоставляет довольно специфические услуги.

Джейк заготовил речь и уже приготовился произнести ее, но клиентка все так же молча прошла мимо него напрямик к арсеналу. Еще одно нарушение правил – метод наказания всегда определял он сам. Саб не должен знать, каким способом его накажут. Но Джейк не сказал ей ни слова; в ее поведении было что-то такое, что отбивало всякую охоту вступать с

ней в спор. Он ощутил легкую дрожь возбуждения и страха. Игра как будто поворачивалась другой стороной, и главную роль в ней исполнял уже не он.

Не обращая внимания на плетки, она направилась к шипованным хлыстам. Прошлась пальцами по гибким прутьям и выбрала самый тяжелый. Джейк использовал его, работая только с махровыми мазохистами, к которым сегодняшняя поздняя гостя никак не относилась. Она протянула ему хлыст и промаршировала к стене. Джейк заковал ее в наручники. До сих пор она не издала ни звука.

Джейк чувствовал себя немного неуверенно, не вполне понимая, что ей требуется, и первый удар получился скорее щадящим.

– Сильнее.

Он ударил сильнее, но она снова осталась недовольна.

– СИЛЬНЕЕ.

Что ж, хочешь – получи. На этот раз он хлестнул ее до крови. Она дернулась от боли, но тут же расслабилась. По спине у нее бежала алая струйка.

– Еще.

Когда же это кончится? Этого Джейк не знал. Зато понял: эта женщина жаждет крови.

Глава 25

– Расскажи мне еще раз, как все было.

Эми закрыла глаза и опустила голову. Чарли казалась вполне милой женщиной и говорила с ней ласково, но почему она снова и снова заставляет ее вспоминать этот ужас? Вернувшись домой, Эми старательно гнала из головы мысли о пережитом. Мать поначалу ходила за ней по пятам, но, пару раз нарвавшись на грубость, отстала. Вырвавшись из-под ее опеки, Эми постепенно опустошила оставшиеся после вечеринки бутылки спиртного и извела весь «секретный» запас валиума. Когда он закончился, она утатила у отца снотворные таблетки. И совершила большую ошибку. Ей постоянно снился Сэм. Он улыбался или смеялся. Она просыпалась с криком и бросалась к двери, боясь, что та окажется заперта. В конце концов она решила, что вообще не будет спать и никогда ни с кем не станет общаться. Но полиция никак не оставит ее в покое. Им как будто доставляет удовольствие мучить ее воспоминаниями о совершенном предательстве.

– Вы ловили попутку. Шел дождь. Одна машина остановилась.

Эми молча кивнула.

– Опиши эту машину.

– Я уже все рассказала. Я...

– Пожалуйста.

Тяжелый вздох. Эми не хватало воздуха. К глазам подступили слезы, но Эми не дала им пролиться.

– Машина с кузовом «универсал».

– Какой марки?

– То ли «форд», то ли «воксхолл». Что-то в этом роде. Белый.

– Что она вам сказала? Пожалуйста, ее точные слова.

Эми помолчала, неохотно вороша память.

– Она сказала: «Вас подвезти?» Потом открыла дверь. Заднее сиденье было свободно, и

мы сели. Лучше бы пешком пошли.

На этот раз она не удержалась от слез. Чарли протянула ей носовой платок и немного подождала.

– Какой у нее был выговор?

– Южный.

– Вы запомнили какие-нибудь приметы?

Эми покачала головой.

– Что она сказала потом?

Эми в который раз повторила свою историю. Женщина сказала, что она – инженер-теплотехник и возвращается домой со срочного вызова. Эми не помнила, был ли на машине логотип с названием фирмы, она не обратила на это внимания. Женщина сказала, что у нее есть муж, полный ноль в практических делах, и двое детей. Поинтересовалась, куда они направляются по такой погоде, и предложила согреться.

– Пожалуйста, ее точные слова.

– Она заметила, что я дрожу, и сказала: «Вам не мешало бы согреться». И протянула нам термос с кофе.

– Кофе был горячий? Вы не чувствовали, что он странно пахнет?

– Обыкновенно он пах. Как пахнет кофе.

– А на вкус?

– Хороший.

– Как она выглядела?

Когда же это кончится?

– Волосы короткие, светлые. Зеркальные солнцезащитные очки. Комбинезон. В ушах вроде бы сережки-гвоздики. Ногти короткие, не очень чистые. Руки грязные. Лицо я видела только сбоку. Выразительный нос. Полноватые губы. Никакого макияжа. Роста, наверное, среднего. Выглядела нормальной теткой. Нормальней не бывает, ясно вам? Все?

Эми вскочила и, давась рыданиями, быстро пошла по лестнице к себе в комнату. Сквозь давящее чувство вины прорвалась вспышка злости. Сэм легко отделался. Умер, и все. Его страдания закончились. А ее мучениям не видно конца. Ей никогда не дадут забыть то, что она натворила. Глядя из окна на камни мостовой, Эми спрашивала себя, что сказал бы Сэм, если бы она прямо сейчас отправилась туда, к нему. Эта идея настолько ее захватила, что она потянула ручку рамы. Окно почему-то не открывалось. Значит, ее собственный дом превратился в тюрьму.

Глава 26

– Как она выглядела?

Питер Брайтстон поежился. Последние часы его постоянно била дрожь; словно тело само отбивало некий примитивный ритм, не давая ему забыть о пережитом кошмаре. Хелен опасалась, что Питера надолго не хватит. Врач в больнице разрешил с ним побеседовать, но она понимала, что он в любую минуту может отключиться.

На нее он не смотрел. Смотрел только на собственные дрожащие руки, от которых щупальцами тянулись трубочки капельниц.

– Как она выглядела, Питер?

Он долго молчал, потом сквозь стиснутые зубы выдавил из себя:

– Р-роскошно.

Этого Хелен не ожидала.

– Опишите ее.

Глубокий вдох.

– Высокая, крепкая... Волосы черные... Как вороново крыло. Длинные. До лопаток. Обтягивающая белая футболка. Высокая грудь.

– Лицо?

– Макияж. Полные губы. Глаз не видел. Очки с затемненными стеклами. «Прада».

– «Прада»? Вы уверены?

– Да. Они мне понравились. Я даже подумал, что надо подарить такие Саре на нашу годов...

И тут он расплакался.

В конце концов они вытянули из него кое-что еще. У нее был красный «Воксхолл-Мовано», принадлежащий мужу. Жила она с ним и тремя детьми в Торнхилле. Они собирались перебраться в Борнмут и, чтобы часть вещей из экономии перевезти самостоятельно, приобрели «универсал». Разговорчивая, бойкая, чуть шkodливая – сразу же предложила им приложиться к фляжке мужа, не слишком тщательно спрятанной под дорожной картой в отделении для перчаток. Питер, естественно, отказываться не стал и хлебнул, а потом передал фляжку Бену.

На этом Питер прервал свой рассказ и вновь разрыдался.

Хелен оставила нянчиться с ним Чарли, имевшую к мужчинам особый подход. Она была симпатичнее и общительнее Хелен, от нее не исходило ощущения угрозы – неудивительно, что мужчины к ней тянулись. Иногда ей доставало твердости и решительности, но Хелен, которая умела видеть в людях не только недостатки, но и достоинства, считала, что со временем из Чарли получится хороший полицейский. Сейчас, однако, она была настроена на тесное сотрудничество с Марком и именно в его помощи нуждалась больше всего.

«Белый медведь» притаился в боковой улочке за больницей. Хелен выбрала это место не без умысла, желая испытать Марка, но пока он держался, потягивая из бутылки тоник. Встреча в пабе получилась странная – почти свидание, и они оба это чувствовали. Впрочем, сейчас их занимали вещи посерьезнее.

– Итак, что мы имеем? – первым заговорил Марк.

Он догадывался, что после последних событий в голове у Хелен сумбур и она пытается понять, что к чему.

– Бен Холланд – никакой не Бен Холланд. Его настоящее имя – Джеймс Хоукер.

Каждый раз, стоило Хелен вспомнить о Джеймсе, у нее перед глазами вставал один и тот же образ перепачканного кровью растерянного парня. Оцепеневшего от шока.

– Его отец был бизнесменом. И одновременно – большим выдумщиком и мошенником. После одной неудачной сделки он потерял все до гроша и решил, что наилучший способ расплатиться за ошибку – свести счеты с жизнью. Заодно прихватить с собой всю семью. Сначала он застрелил лошадей, потом собаку, потом поджег конюшни. Соседи позвонили по 999, но я приехала раньше.

Голос ее слегка дрогнул – память сохранила ту жуткую сцену во всех подробностях. Марк пристально смотрел на нее.

– Я тогда работала патрульной. Увидела дым, услышала из дома крики и не стала ждать – вошла. Он уже успел убить жену, старшую дочь и ее бойфренда и с разделочным ножом гонялся за Джеймсом. – Она чуть помолчала и продолжила: – Я свалила его с ног. И избила. Сильнее, чем требовала необходимость. Заслужила благодарность и предупреждение насчет недопустимости подобного поведения в будущем.

Хелен грустно улыбнулась. Марк ответил ей тем же.

– Мне тогда было плевать на предупреждение. Я жалела, что не избила его до смерти.

– Значит, Джеймс сменил имя?

– А ты бы не сменил? Разумеется, он не хотел, чтобы его всю жизнь преследовала скандальная известность. Прошел курс психотерапии, пытался как-то жить дальше, но больше всего хотел убедить себя, что ничего подобного вообще не было. Я старалась поддерживать с ним связь, но через пару лет после трагедии он перестал отвечать на мои письма и звонки. Я служила живым напоминанием об убийствах, а он мечтал о них забыть. Грустно, конечно, но его можно понять. Я пожелала ему всего хорошего, и, надо сказать, у него получилось.

Действительно получилось. Джеймс выучился, нашел хорошую работу, познакомился с доброй и славной девушкой, которая согласилась выйти за него замуж. Учитывая незавидные стартовые условия, Джеймс многого добился, сумел вернуться к нормальной жизни. У него все было хорошо – пока коллега не нанес ему удар железкой в глаз. Разумеется, он действовал в рамках самозащиты, но это обстоятельство еще больше все запутывает. Джеймс – или, если угодно, Бен – питал отвращение к любому насилию. Я представить себе не могу, через что он прошел, если пытался убить Питера. Как же все запутано! И как несправедливо – словами не передать.

Но им приходилось иметь дело с тем что есть.

– Ты полагаешь, эти два случая как-то связаны? Убийства, совершенные Джоэлом Хоукером, и смерть Бе... то есть Джеймса? – спросил Марк, нарушив ход мыслей Хелен.

– Возможно... Но Сэм и Эми не имели к тем событиям никакого отношения. Как встроить их в эту схему?

Они помолчали. Если связь между похищениями и существовала, они, как ни напрягали мозг, ее не видели. Чем же они располагали? Двумя садистскими немотивированными убийствами, на первый взгляд ничем между собой не связанными. И описанием предполагаемой преступницы – то ли неряшливой блондинки, выдающей себя за инженера-теплотехника, то ли грудастой шаловливой домохозяйки с длинными черными волосами. В общем, дело ясное, что дело темное. Они оба отдавали себе в этом отчет. Окинув взглядом паб, Марк почувствовал, как в нем поднимается желание пропустить стаканчик. Посетители, мужчины и женщины, смеялись, шутили и выпивали. Вино, пиво, виски, коктейли лились рекой.

– Ты хорошо держишься.

Реплика Хелен отвлекла его от созерцания пьющих. Марк подозрительно покосился на нее. В чем он нуждался меньше всего, так это в ее жалости.

– Знаю, тебе нелегко, но первый шаг всегда труден. Мы тебя вытащим. Вместе, ты и я. О'кей?

Марк кивнул.

– Конечно, ты можешь послать меня подальше и записаться в Анонимные Алкоголики. Я пойму. Но ведь они тебя не знают. Не знают, через что мы с тобой проходим каждый день.

Что творится у нас в душе. Поэтому я готова тебе помочь. Почувствуешь себя одиноко – знай, что я буду рядом. Рано или поздно настанет час, когда захочется выпить. Очень сильно захочется. Это нормально, и ничего с этим не поделаешь. Так вот, я предлагаю тебе сделку. Обещай, что отныне ты пьешь только в моем присутствии. И когда я говорю: «Хватит», ты останавливаешься. Ну как, по рукам?

Марк не стал возражать.

– Вдвоем мы сделаем эту тварь. Но если я узнаю, что ты нарушил обещание, солгал мне, тогда – прощай. Договорились?

Она поднялась, отошла к бару и вернулась с бутылкой лагера в руке. Поставила на стол и подтолкнула к нему. Марк взял бутылку дрожащей рукой и поднес к губам. Пиво холодной струей полилось в горло, но уже в следующую секунду Хелен схватила его за руку. Он едва сдержался, чтобы не стукнуть ее, но алкоголь уже достиг желудка, и ему мгновенно полегчало. Хелен по-прежнему держала его руку, и Марк машинально погладил ее запястье большим пальцем. Хелен убрала руку.

– Давай-ка сразу кое-что проясним. Эта история не про «нас». Эта история про тебя.

Он понял, что совершил оплошность. Вот же идиот. Гладить руку начальнице. Ну не придурок? Вскоре они простились. Хелен осталась сидеть в пабе – наверное, чтобы удостовериться, что он не вернется. Приподнятое настроение улетучилось. На Марка снова накатило гнетущее чувство одиночества.

В сумерках «гольф» Марка опять остановился возле его бывшего дома. Элси, наверное, уже в постели, думал он, лежит в обнимку со своей любимой плюшевой игрушкой, под мерцающим зеленым светом ночника. Он не видел ее, но знал, что она здесь, и его сердце переполнялось любовью. Мало, конечно, но приходится довольствоваться тем, что есть. Пока.

Глава 27

Хелен вернулась в центральный полицейский участок, где ее уже поджидал детектив-суперинтендант Майкл Уиттакер. Обаятельный сорокапятилетний мужчина – загорелый, подтянутый, спортивный, – он пользовался большой популярностью у подчиненных женского пола, мечтавших заарканить преуспевающего холостяка. Ко всему прочему, он был наделен проницательностью и особым нюхом на все, что могло оказаться полезным или, напротив, вредным для продвижения по службе. Уиттакер начинал в отделе, расследовавшем грабежи, и отлично справлялся со своим делом, пока не получил во время перестрелки в банке пулю, лишившую его половины легкого и поднявшую на должность начальника. Скучая по оперативной работе, суперинтендант взял за правило вмешиваться в расследование, если считал, что оно топчется на месте. Не исключено, что именно пристальное внимание к деталям и помогало ему не только выжить, но и сделать карьеру.

– Как она это делает? – кипятился Уиттакер. – Действует в одиночку или у нее есть сообщник?

– Пока трудно сказать, – пожала плечами Хелен. – Работает осторожно. Следов не оставляет. Скорее всего, действует одна. Расчетлива. Осмотрительна. При тщательной подготовке операции нужда в сообщнике отпадает. Усыпляет жертвы снотворным, что опять-

таким позволяет предположить, что она орудует в одиночку. Но как она перетаскивает жертвы из машины в ловушку? Перевозит она их в автомобиле с кузовом «универсал» – достаточно просторном, чтобы спрятать бесчувственные тела. Выискивает заброшенные объекты вдали от цивилизации, где риск наткнуться на свидетеля сведен почти к нулю. Но как она справляется на последнем этапе? У всех четырех жертв похищения на лодыжках стерта кожа. Очевидно, их тащили со связанными ногами. Есть ссадины на ногах, корпусе, голове. Возможно, их волокли по пересеченной местности. Питер Брайтстон весил четырнадцать стоунов. Попробуй такого сдвинуть с места, хоть связывай ему ноги, хоть нет.

– Что у нас по автомобилям? – спросил Уиттакер, не давая Хелен даже перевести дух.

– Ничего конкретного. Эми не обратила внимания на марку машины. В окрестностях бассейна, в котором их держали, нет ни одной камеры наблюдения. Питер утверждает, что похитительница сидела за рулем «Воксхолл-Мовано», но в одном только Гемпшире «универсалов» этой модели каждый месяц угоняют по несколько дюжин. Автомобиль красного цвета, но это ни о чем не говорит – она могла его и перекрасить. Питер с Беном сели к ней в машину в Нью-Форесте, а к теплостанции Данстон она везла их по проселкам, вдоль которых камеры наблюдения не установлены.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

«Умная вода» (*англ.* SmartWater) – специально обработанная мелкодисперсная жидкость, видимая только в ультрафиолетовом свете и сохраняющая свои свойства на протяжении недели.

«Святые» – прозвище игроков футбольного клуба «Саутгемптон».